

18+

ЕРМАК МИХАЛ'Ч

ПЯТЫЙ УГОЛ

Ермак Михал'ч

Пятый угол

«Издательские решения»

Михал'ч Е.

Пятый угол / Е. Михал'ч — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535316-0

Сказки для взрослых, которые разучились верить в чудеса. О поездах, маяках и художниках. О бушующем море и погожих осенних днях. О не случившихся встречах и непрожитой жизни. О потерянном и приобретённом. И, конечно, о любви и о чуде, которого всем нам так не хватает.

ISBN 978-5-00-535316-0

© Михал'ч Е.
© Издательские решения

Содержание

ПЯТЫЙ УГОЛ	6
Предисловие	6
Сестра	7
Лень и Воля	10
Другая	13
Чудо	15
Вечность	20
За грибами	25
Майк	32
Руководитель проекта	35
Осенняя встреча в поезде	37
О душе	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пятый угол

Ермак Михал'ч

*С большой благодарностью всем, кто помогал мне в создании этой
книги. Кто поддерживал, вдохновлял, верил.
Моим друзьям!*

Редактор Марина Орлова

Оформление обложки Ермак Михал'ч

© Ермак Михал'ч, 2022

ISBN 978-5-0053-5316-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЯТЫЙ УГОЛ

Предисловие

– Что вы тут понаписали, уважаемый Рассказчик, что понасочиняли? Да разве бывает такое в жизни? Такие ситуации, люди, события? Разве может быть такая любовь и благородство, такие поступки? Я не верю ни единому вашему слову. Очень нежизненно!

– Позвольте! А что, если в названии книги я припишу «Взрослые сказки»?

– Хм... Звучит недурно. И в корне меняет суть дела! «Сказки»! Вот именно! Если всё, что вы пишете, – жизненные взрослые сказки, тогда я беру свои слова назад. Ведь их в нашей жизни как раз не хватает... Так держать, уважаемый Рассказчик, так держать!

Р.С. И вправду, хотелось бы, чтобы добрые дела и поступки, которые порой встречаются в этих рассказах, чаще имели место в реальной нашей жизни. Увы, но в ней практически не осталось чудес. Ну а если вам покажется очень наигранно, слащаво, неправдоподобно, или, как уже говорилось, нежизненно, то не заморачивайтесь! Ибо всё, написанное в этой книге, – лишь обычные взрослые сказки!

С уважением,

/Автор/

Сестра

Она ушла...

Хотя это было вполне ожидаемо. Она всегда так поступает, едва закончится осень и наступят первые зимние дни. Вначале слоняется бездумно по комнате, натянув мою старую растянутую футболку, спадающую с плеча, и шлёпая босыми ногами по холодному паркету, натывается на углы, что-то рассеянно напевает себе под нос...

А потом приходишь с работы и понимаешь: ушла!

Ну что ж, вернётся! Всегда ведь возвращается: то в конце зимы, а если нет, то в самый разгар весны – это уж точно!

Но в этот раз всё было иначе. И мне странно было ощущать её, вернувшуюся через несколько дней, забравшуюся под одеяло прямо в одежде, жмущуюся ко мне холодными под капроновыми колготками ногами и ледяными ладошками. От неё пахло вином и почти выветрившимся ароматом парфюма. В волосах запутались кружевные снежинки, а улыбающиеся во сне губы были липкими от сливочного мороженого. А еще... Я чувствовал, как она вся была пропитана чьими-то мыслями, но не стал говорить об этом вслух, когда она пробудилась, затрепетав длинными ресницами.

Была суббота, и мы валялись в постели почти до обеда. Говорили ни о чём. Вспоминали разные приятные случаи из нашей жизни. Например, как по утрам мы вместе просыпались спозаранку, когда за окном только брезжил златокудрый рассвет, и пили кофе, слушая на магнитофоне старые песни. Как глядели на ночное небо, когда кто-то невидимый зажигал на нём погасшие звёзды, и старались не думать о жизни всерьёз. Как бродили в резиновых сапогах по парку, вороша осеннюю листву, рвали прямо зубами с ветки чуть подбитую морозом рябину, а потом, пропахнув насквозь кострами, бежали на трамвай и ехали в кафе, чтоб съесть чизкейк и выпить латте. Как по весне ходили в ботанический сад и, проголодавшись, пили кефир с багетом прямо на скамейке. Как вспоминали детство, ассоциируя его с земляничным летом. Как я отправлял её на отдых и просил привезти мне запах моря в волосах. Как успокаивал её в приключившейся беде, обещая, что всё будет хорошо.

Близился вечер. Мы пили глинтвейн и жгли ароматические свечи, понимая, что в своих разговорах бродим вокруг да около. Нужно было задать главный вопрос. И я решился:

– Почему ты вернулась? Зачем? Ты ведь всегда уходишь...

Она задумчиво покрутила прозрачный бокал с гвоздичным вином, пригубила, облизав губы маленьким язычком, и негромко ответила:

– Знаешь, я жутко от тебя устала, но и без тебя мне никак – ведь я люблю тебя. Мне просто нужен небольшой отдых. На время. Сейчас я иссякла. А любой опустевший сосуд нужно либо наполнить вновь, либо выбросить за ненадобностью. Я предпочитаю наполниться – новыми впечатлениями, людьми, знакомствами. Новыми книгами и событиями, планами и желаниями. Ведь мне нужно чем-то вдохновлять тебя! Но пока... Пока я на это не гожусь, ты выпил меня до дна.

Мы оба надолго замолчали.

– И? – наконец встрепенулся я.

– Я подумала, что нечестно вот так всё время пропадать без предупреждения. На этот раз я решила объяснить тебе всё. Поставить тебя в известность.

– И потом снова пропасть?

– Считаю, что отпустил меня на каникулы.

– У тебя появился кто-то другой?

– А ты ревнуешь? – она посмотрела на меня поверх бокала, и глаза её лукаво блеснули.

Я устало пожал плечами и снова наполнил свой бокал до краёв.

– Так... Ничего серьёзного! Мимолётное увлечение. Но он... Он совсем не такой, как ты. Другой. Мне хочется какое-то время побыть с ним вместе...

Мы легли спать далеко за полночь, а когда я проснулся рано утром, её уже не было, хотя постель ещё хранила тепло её тела. На тумбочке лежал тетрадный листок бумаги, исписанный красивым размашистым почерком.

«Дорогой! Не скучай без меня. Я отправляюсь в небольшое путешествие. Постараюсь вернуться к подснежникам. Ты ведь знаешь, как я их обожаю! И ещё... Я всё же не могу бросить тебя одного-одишенька. Чтоб тебе было не скучно, с тобой пока побудет моя старшая сестра. И тебе вовсе не обязательно влюбляться в неё, как в меня, вы можете просто попытаться подружиться!»

Крепко целую! /Твоя Муза/»

Заинтригованный, я сладко потянулся и, откинув одеяло, выбрался из постели. Набросив халат, направился на кухню. А там, на табурете, опершись спиной о край стола, сидела... Она. И в то же время не Она. Сходство было потрясающее, а различия еле уловимы, разве что буйные рыжие кудри упрятаны в аккуратную толстую косу, да кожа более светлая, с ярким румянцем на щеках.

– Привет... – растерялся я.

– Привет! – она подняла голову и, отложив книгу – Джека Лондона, внимательно посмотрела мне прямо в глаза. Взгляд её тоже отличался, был наполнен глубокой мудростью и не искрил привычным авантюризмом.

– А ты, наверное, старшая...

– ...сестра Поэзии. Да, меня зовут Проза.

– Ага! Она написала в записке. А я... Я – Поэт.

Она смерила меня заинтересованным взглядом и, подумав, сказала:

– Пожалуй, я буду называть тебя Писатель. Ты ведь не будешь против?

– Писатель? – я попробовал это Имя на вкус. Было необычно. – Пусть так. Хочешь кофе? Я варю по утрам в турке свежемолотый.

– Нет. Я не пью кофе. Только зелёный чай.

– А что ты будешь на завтрак? – спросил я, зажигая под чайником газ.

– Я вообще не ем по утрам. Не люблю.

– Может, хоть яблоко? – спросил я, потеряв всякую надежду угодить сестре моей Музы.

– Яблоко давай, я люблю яблоки! Да и вообще фрукты.

Я про себя улыбнулся: всё-таки в чём-то сёстры были похожи.

– Тогда, может, в честь знакомства устроим праздничный ужин? Запечём курочку, возьмём пару бутылочек шампанского...

– Я не пью алкоголь.

– Как, совсем? Даже полусухое? – я с тоской вспомнил, как мы пили такое с её сестрой – прямо из горлышка, не чокаясь, сидя на верхотуре заброшенного маяка и глядя на бушующее море...

– Разве что вермут, домашний. Но совсем немного. На доньшке бокала. У тебя ведь такой есть?

Я понял, что в ближайшее время придётся позабыть о некоторых привычках, в чём-то измениться. Но я готов был попробовать. Проза мне очень нравилась, и я знал, что предстоит приложить много усилий, чтоб стать ей другом, а ещё больше – чтоб завоевать её сердце. И я был готов рискнуть!

Проза стояла у окна, вглядываясь в декабрьское серое небо и бесснежную улицу.

– Какие планы на ближайшее время? Чем займёмся?

– Знаешь, – она посмотрела на меня, и я отметил, как увлечённо блеснули её глаза, – есть одна задумка. Пока только начало и сюжет в общих чертах, но ничего, вместе мы что-нибудь придумаем. Главное – начать. Записывай...

Лень и Воля

– Ну, рассказывай, где ты сейчас, с кем? А то давно не виделись.

Мой друг Случай отхлебнул изрядный глоток звёздного пива. Отставив двухпинтовую кружку с мерцающими и переливающимися внутри галактиками и туманностями, он откинулся на спинку массивного деревянного стула, широкой ладонью утирая с губ космическую пену.

Я тоже глотнул из своей кружки и, немного подумав, ответил:

– У меня... новая.

– Да? – от удивления левая его бровь, как обычно, поползла вверх, правая бы тоже двинулась следом, но не позволял пересекающий лицо извилистый шрам. – Ну, ты мастак подружек менять. Кто такая, фотка есть?

Я протянул смартфон, на экране которого кокетливо улыбалась молодая женщина: пухлогубая, с яблочными щеками, бездонными карими глазами и пышными волнистыми локонами цвета каштанового ореха.

– Недурно, – надул губы Случай. – Хороша! Ты всегда предпочитал девушек с формами.

– Ну!... – я неопределённо развёл руками и, посмотрев мечтательно в сторону и снова отхлебнув пива, продолжил: – Её зовут Лень. Встречаемся уже несколько месяцев. Мне с ней классно, уютно, почти всё свободное время проводим вместе.

– И чем же вы занимаетесь?

– Хм. Пересмотрели кучу фильмов, сериалов, перечитали великое множество книг. А иногда просто размышляем.

– То есть как?

– Молчим. Смотрим друг на друга. И думаем. И вроде каждый о своём, но на деле получается, что вместе мы думаем одну мысль. Да и вообще я люблю смотреть в её глаза – на протяжении минут, и даже часов. И... всё! Мне больше и не надо ничего. Правда, мы из дома почти не выходим, но, как говорит Лень, что там сейчас делать? Все интересные места я уже посетил. В центре – беспорядочные массы народа. Дороги забиты автомобильными пробками. В области тоже нет каких-то особенных достопримечательностей. Лучше уж дома. Зачем куда-то идти, если нам и так хорошо?

Случай сделал знак бармену повторить нам пиво, и я продолжил:

– А ещё она очень находчивая. К примеру, затеял я как-то плов, а моркови, как назло, нет. Ну а что за плов без моркови, сам знаешь. Собрался было на рынок, да на улице такая погода гадкая. А Лень подошла, обняла сзади, прижалась тёплым своим телом и говорит: «Сдался тебе этот плов, завтра вечером по пути моркови купишь и приготовишь, а сегодня можно пиццу заказать». Вот! Чем не решение? Эхх! Золотая женщина!

– Да-а! – протянул Случай и отхлебнул из очередной кружки, принесённой барменом. – А как с твоей бывшей?

– Ты о Работе? – я поморщился, вспомнив её узкое бледное лицо, холодный взгляд бесцветных глаз и тонкую линию губ, выражающих презрение и вечное недовольство.

Есть такой тип женщин – не обделённых природной красотой, но в то же время старающихся эту красоту скрыть, спрятать, загнать в какие-то рамки. Так же и Работа: смени она образ – была бы женщина хоть куда. Но где там. Всегда строгий, безликий серый костюм, старомодные туфли-лодочки, зачёсанные назад и стянутые в тугий хвост обесцвеченные волосы. С косметикой та же беда: либо полное её отсутствие, либо абсолютная безвкусица в её использовании. И в завершение всего очки – огромные, круглые, в тонкой проволочной оправе, совершенно не подходящие ни к её лицу, ни к стилю. Меня передёрнуло от воспоминаний.

– До сих пор от меня не отвяжется. Вроде и бывшая, не люблю я её больше, но каждый день – к ней, как на каторгу. Вот как можно с нелюбимым человеком столько времени проводить? И ведь не расстанешься никак, сам понимаешь. Куда ж я теперь от неё... – янадолго припал к кружке звёздного пива, смачивая пересохшее горло.

– А помнишь, у тебя такая миленькая, добрая была? Любовь, кажется, звали? – спросил Случай.

– С Любовью мы расстались. Никак не смогли сойтись во взглядах. Понимаешь, она такая... принципиальная. Ей нужно либо всё, либо ничего А я... Я так не могу. Я ж другой. Мы столько друг другу страданий принесли, прежде чем расстаться. А тут ещё её сёстры двоюродные постоянно крутились – Страсть с Изменой. Едва Любовь отвернётся, так сразу мне глазки строят, хихикают, шушукаются. В общем, мы попросили Разлуку, и она нам помогла. Хотя, если честно, я Любовь до сих пор вспоминаю добрым словом и скучаю по ней.

– Страсть я помню, – заулыбался Случай. – Огонь-баба!

– Мы порой с ней встречаемся – так, в охотку, проведём вместе денёк-другой и разбегаемся, без обязательств. Но Страсть – без Любви она уже не та. Вот когда Любовь рядом, так и Страсть вся из себя: и посмотреть любо-дорого, и тянет к ней. А как Любовь ушла, Страсть – самая обычная, просто до секса голодная женщина. Вот и всё.

– А я тут намерен тоже с одной познакомиться, – расплылся в широкой улыбке Случай. Вальяжно почесав под мышкой, он достал смартфон и начал перелистывать мясистыми пальцами странички. – Во, глянь! Как тебе?

– Ого, ничё такая! Ты где её такую отыскал?

– Да не поверишь! На сайте знакомств. Мы с ней пока по переписке болтаем, но она предлагает встретиться, вместе время провести.

– Да? Сама, что ли?

– Ну да. Предлагает в спортзал походить, а то ей компании нет. На велике погонять. А по весне в пеший поход собирается, говорит, ищет надёжного спутника.

– А зовут как?

– Зовут – Воля!

– Хм. Красивое имя. Не встречал такого раньше. Дай-ка ещё фотку глянуть? – С фото смотрела целеустремлённая девушка: глубокие синие глаза, стрижка каре, волосы неярко, но со вкусом мелированы, едва заметная улыбка на красивых губах словно бросает вызов. – И сама красивая! – задумчиво протянул я.

– А по лету, – продолжал Случай, – предлагает за границу съездить, дней на несколько, отдохнуть, погулять.

– Так это ж сколько денег нужно, а потом – виза, страховки...

– Я ей о том же, а она говорит, если задаться целью и каждый месяц откладывать, то вполне реально. Ну, может, где и ужать себя придётся, так зато потом это вдвойне окупится – теми же впечатлениями, эмоциями, воспоминаниями и новыми планами.

– А ты чего по поводу её предложения решил? – посмотрел я на друга, но тот лишь пожал плечами и виновато отвёл глаза в сторону.

– Я в раздумьях пока. Понимаешь, у нас с Неуверенностью снова непонятно: то вместе, то врозь. Вроде уйдёт, я и воздуха полную грудь наберу, а через пару дней вернётся, прощения попросит, а я же мягкий, не могу не простить. Неделью-другую всё оллрайт у нас, а потом – по новой, – Случай снова пожал плечами и приложился к своей кружке, проглотив за раз несколько галактик.

– Ну смотри, друг, профукаешь своё счастье! – подбодрил я его. – Но если у вас с Волей не срастётся, ты мне её телефончик скинь. Заинтересовала она меня. Я бы с ней походил на тренировки. Да и в поход давно охота сходить, вот только, как и ей, всё компании нет. И за границей я ни разу не был.

Случай улыбнулся и добродушно кивнул.

Мы просидели ещё пару кружек, болтая о том о сём, и распрощались.

Будильник разбудил меня в шесть утра негромкой полифонией. Я лежал несколько секунд с закрытыми глазами, после чего приподнялся, опершись на локоть, и посмотрел вправо. Лень спала рядом, закинув на меня ногу, и я залюбовался ею. Высокая грудь, прикрытая тонкой сорочкой, мерно поднималась и опускалась в такт дыханию. Пухлые губки были приоткрыты и слегка улыбались. Густые волосы, рассыпанные по подушке, источали приятный аромат. Её тело манило теплом и покоем. Я смотрел не неё и совершенно не хотел выходить из этой томной ауры. Её губы манили и притягивали, и я, как замороженный, медленно приближался к ним, чтоб соприкоснуться и погрузиться в сладостный поцелуй. Однако на половине пути к губам любимой словно ледяным электрическим разрядом меня пронзила мысль о Работе. Вдохнув, я бросил ещё один взгляд на безмятежно спящую в тёплой постели Лень и, с сожалением откинув одеяло, вылез в холодную утреннюю реальность.

Пучеглазый автобус медленно полз, являясь частью Великой Змеи по имени Пробка, а я сидел в его недрах, словно заживо проглоченный кролик, и размышлял.

У меня из головы не шла Воля – та девушка, с которой мой друг Случай познакомился на сайте знакомств. Зная его, я очень мало шансов давал на то, что он решится на встречу. Слишком сильно он любил Неуверенность, а она – его. А вот я бы познакомился поближе с этой коротко стриженной синеглазой Волей. Очень уж вызывающей была её лёгкая улыбка, и я был готов принять этот вызов – и не раз!

Ну, а Лень? А что – Лень? С ней бы мы тоже иногда встречались, но уже гораздо реже!

Другая

Я знаю, что у тебя есть другая.

Снова она!

Ты проводишь с ней круглые дни, уходя рано утром и возвращаясь за полночь. Ты совсем позабыл обо мне, об этом говорит и твой задумчивый взгляд, и рассеянная улыбка – все твои мысли заполняет она.

Ты пропадаешь с ней в парках, на набережных, на островках уличных кафе. Вы вместе часами изучаете театральные афиши, гуляете по пустынному морскому пляжу, читаете книги – молча, но вслух.

Каждый раз ты приносишь в дом её запах. Твои волосы, одежда, пальцы – всё пропахло её ароматами: костров, уличной свежести, опавшей листвы, дождливой погоды. Твои губы перепачканы красной рябиной словно помадой, на них остаётся вкус её поцелуев – то калиново-горький, то приторно-сладкий, пахнувший поздними яблоками. Ты часами стоишь перед ней на коленях, запуская пальцы в рыжие пряди облетевших листьев. Широко расставляя руки, ты ловишь её ветреные объятия. И она снова целует тебя. Целует твои губы, лицо, шею, пальцы. Целует каплями дождя, солёными брызгами бушующего моря, ласковыми солнечными лучами.

А ты совсем потерял от неё голову, стал таким неосторожным! Думаешь, я не замечаю? Не догадываюсь? Как на твоей одежде прилипшими жёлтыми листиками остаются её следы. Как бездумно ты приносишь в карманах бусинки её желудей и каштанов. Как ночами смотришь ей в глаза через оконное стекло в ожидании утра и её новых объятий.

Ты пишешь ей стихи. Рассказы. Ты фотографируешь её. Ты даже готов научиться рисовать – ради неё. Готов научиться петь – ради неё. Готов снимать о ней короткометражки и клипы.

Завтраки, что я готовлю для тебя, остаются нетронутыми. Её угощения – утренняя выпечка и свежесваренный кофе из уличных кафешек – теперь тебе больше по душе.

И вы целыми днями смеётесь, улыбаетесь, молчите, слушая песни улетающих птиц. Она кладёт голову тебе на колени или прижимает тебя к своей груди и рассеянно треплет твои короткие волосы. Она заставляет биться чаще твоё сердце. И она...

...Она делает тебя счастливым.

Если бы это была другая женщина, я бы боролась за тебя. Уверена, что я бы выиграла. Но с ней... С этой твоей чёртовой осенью мне не справиться. Я ей не соперница. Мне она не по зубам.

Поэтому я оставляю вас вдвоём. Мне больше ничего не остаётся! А сама вместе с птицами улетаю на юг – только теперь я по-настоящему понимаю их. Я улетаю туда, где жарко: в Африку, в Индию, в Китай... Туда, где есть море, и солнце, и белый тёплый песок. И где не бывает этой своенравной, промозглой, рыжеволосой чертовки-осени!

Я, конечно, вернусь. С первым снегом, в первый день зимы. Думаю, ты даже не заметишь моего отсутствия – куда там, она целиком вытеснила меня из твоего сознания. Хорошо, что она так же непостоянна, как твой порыв.

И потом, первого декабря, опять всё станет так, как было у нас раньше, как было до неё. И в моих глазах ты снова будешь замечать то, что видишь сейчас в её. И я вновь буду укутываться твоим теплом как мягким пледом. Держать тебя за руку. Болтать ни о чём. Или молчать. Вместе читать книги и готовить завтрак. Ходить в кинотеатр и целоваться на последнем ряду, ощущая себя восьмиклассниками.

Всё будет так, как было у нас прежде. До неё.

Всё будет так, когда она уйдет...

И если не вечность, если не всю оставшуюся жизнь, что нам отмерена, то хотя бы эти без малого триста дней – пускай снова всё будет так.

Мы снова будем вместе.

Пока не наступит следующая осень. Рыжеволосая, с губами цвета спелой калины, дымным запахом костров в волосах и каштанами карих глаз.

Чудо

Ленка с ранних лет верила в Деда Мороза. И в пять, когда попала в детский дом, и в семь, когда болела ветрянкой, и в одиннадцать, когда на лице появились первые угри, и в тринадцать, когда случились первые месячные, и в восемнадцать, когда переселилась в социальную квартиру, и даже в девятнадцать с половиной, когда получила свой первый крохотный гонорар за нарисованную картину.

Она жила одна в большой и неудобной квартире, со старенькой газовой плитой, обшарпанным кафелем в ванной и треснутым унитазом, в котором беспрерывно журчала вода. Но девушка просто не замечала всего этого, она жила в каком-то своём, разукрашенном, пахнущем масляными красками мире. Она просто переводила свой мир в картины, зарисовки, этюды.

В своё время её талант разглядела некая Матильда К., весьма посредственная художница, однако, имеющая небольшой художественный салон, в котором перепродавала по баснословным ценам картины разных нераскрытых талантов вроде нашей Ленки, зачастую выдавая их работы за собственные творения. Параллельно брала у богатеньких заказы на репродукции классических картин, которые для неё рисовали за копейки всё те же нераскрытые таланты. Одним словом, крутилась как могла.

Матильда была жутко педантична, поэтому звонок в Ленкину дверь раздался ровно в десять утра четверга, разразив тишину противным «бззззззз-бззззззз».

– И-иду, и-иду, – нараспев проговорила девушка, шаркая тапками без задников по выщербленному паркетному полу.

На пороге ухмылялась хитрая остроносая физиономия Матильды, одновременно напоминающая почтальона Печкина и старуху Шапокляк.

– Здра-авствуйте, – протянула Ленка.

– Здравствуй, здравствуй, девочка. – Матильда вошла в квартиру. – Вот, я тебе тут продуктов принесла, там макароны, тушёнка, картошки немного, чай, сахар, всё как ты любишь. И вот ещё триста рублей, уж я и так, и эдак твой «Шторм» продавала, еле уговорила каких-то туристов из Москвы купить.

На деле Матильда поимела за эту картину три с половиной тысячи, но это уже был её коммерческий секрет.

– Ой, спасибо вам! Храни вас господь! А я тут вот ещё рисую рисунки, посмотрите.

– Гляну, гляну, а как же. Ну-ка, что там у нас?

– Во-от, здесь космос, как вы просили давеча. Ещё Афродита. И на морскую тематику. А тама вон – «Над вечным покоем» Левитана. Хорошо?

– Ну... – мнительно протянула Матильда, – пойдёт, думаю. Может, кто и возьмёт. У Левитана уж больно краски бледновато легли...

– Да нет, что вы, матушка, это солнышко в окошко отсвечивает. Я шторы прикрою сейчас, лампочку зажгу, и всё сразу хорошо будет.

– Ладно-ладно, не стоит. Сама вижу.

Матильда на минуту задумалась, прикидывая, что за эти «шедевры» можно выручить кругленькую сумму, однако сквозь зубы процедила:

– Ох, Ленка, учиться и учиться тебе ещё. Но ты деньги-то копи, не трать попусту. В академию, может, поступишь.

– Я и не трачу. Некуда мне их тратить. Все вон в баночке из-под печенья и хранятся. Я оттуда только на квартплату и беру.

– Ну и молодец! Ах да, я тебе там грампластинки принесла. Там Бах, Шопен и этот самый, как его, Пол Макартур.

– Пол Маккартни! Мне нравятся его песенки. Весёленькие. Спасибо вам, матушка Матильда!

– На-ка, вот работка тебе ещё есть, – она протянула девушке потрёпанную картонную папку на тесёмках, с казённой надписью «Дело №». – Там клиент попросил Шишкин лес ему нарисовать. Другому – Мону Лизу, только чтоб лицо было женщины его, там вон фото есть.

– Ой, какая красивая... – Ленка заглянула в папку и рассматривала материалы для выполнения заказа.

– Ты много-то не болтай да язык за зубами держи! Ну, всё вроде, побегу я, – Матильда спешно заворачивала в мешковину готовые картины, предвкушая большой куш от новых Ленкиных работ. – Ты пакеты там разбери. Консервы в холодильник поставь, – уже с порога прокричала Матильда.

– Я всё сделаю. Спасибо вам, матушка. Храни вас господь!

Матильда ушла, даже не попрощавшись, но Ленка не очень-то и обиделась. Она привыкла, что Матильда занятая очень, а кроме неё к Ленке больше никто и не захаживал.

Девушка включила новую пластинку и под шуршание граммофонной иглы обмакнула кисть в палитру.

Так и проходили дни. Каждый четверг к ней приходила Матильда. Приносила дешёвые продукты, немного денег, давала новые заказы и забирала готовые работы. Настрого запрещала Ленке выходить на улицу, потому как «такой беспредел в мире сейчас творится, и мало ли что...». И Ленка послушно сидела дома, редко-редко выходя во двор прогуляться около дома или до соседнего ларька.

Настал декабрь. В углу Ленкиной квартиры появилась куцая ёлочка со старыми тусклыми игрушками и жидким ленточным дождиком. А девушка каждый вечер засыпала, думая о Деде Морозе и о письме, которое она приготовила для него. У неё даже и в мыслях не было, что существование Деда Мороза – это выдумки или сказки.

Когда в среду около семи вечера позвонили в квартиру, Ленка точно знала, что это он! Девушка даже не заглянула в глазок, дрожащими руками поворачивая в замке ключ и распахивая дверь.

И интуиция её не подвела. На пороге действительно стоял Дед Мороз. Самый что ни есть настоящий, с кучерявой бородой, в красной шапке с помпоном, красном полушубке, подвязанном кушаком. Девушка даже не обратила внимания, что у Деда Мороза нет ни посоха, ни мешка с подарками, даже рукавиц у него не было, а замёрзшие короткие пальцы синели от наколотых на них перстней.

– Здра-авствуй, дедушка! – зачарованно произнесла Ленка.

– Здравствуй, дочка. Впустишь ли в дом? – ответил ей приглушённый с хрипотцой голос.

– Впущу, конечно, проходите же. А я так давно вас ждала!

– Ну, вот и дождалась. Главное, дочка, верить в чудо, и оно однажды произойдёт!

– А вы правда ко мне? Ничего не перепутали? К Ленке Кляксиной?

– Ну, если тут больше никто не живёт... – насторожился Дед Мороз.

– Одна я тут, дедушка. Никого больше!

– Значит, именно к Ленке Кляксиной и шёл из заснеженных лесов. Путь мой долог был. Позволишь ли передохнуть у тебя с дороги, дочка?

– Конечно же, дедушка, только я сейчас, у меня ведь для вас письмо есть, я его ещё в третьем классе написала, всё ждала-ждала вас. Вот вы и пришли.

Ленка поставила шаткий стул и полезла на антресоли искать письмо, а Дед Мороз в это время привалился к дверному косяку и устало прикрыл глаза, переводя дух.

Петрович был вор-рецидивист, имел несколько ходок на зону. Каждый раз, оказавшись на свободе, он зарекался воровать, но судьба его имела свою точку зрения на этот счёт. Как и теперь: после неудачной попытки взять кассу в небольшом магазинчике он еле оторвался

от погони и, «одолжив» у какого-то мужика костюм Деда Мороза, забежал в первую попавшуюся квартиру...

– Вот, – девушка протянула ему мятый, замусоленный конверт, и глаза её искрились неподдельным восторгом.

Петрович мог ждать чего угодно: кучу гомонящих детишек, наперебой пытающихся ухватить его за поддельную бороду, подозрительного молодчика с битой в руках, пару сенбернаров, приученных сразу вцепляться в глотку, и даже знакомого участкового Акиньшина, имевшего особенность всегда объявляться в самом неподходящем месте. Но встретить в этой квартире полубезумную девушку с огромными голубыми глазами и интеллектом ребёнка он никак не ожидал и счёл это большой удачей, потому и решил уж играть свою роль до конца.

Дед Мороз взял помятый, выдавший виды конверт. Долго разглядывал его, качал головой, хмурия брови, чем напугал молодую девушку. Ей уже показалось, что время давно упущено, и Дед Мороз не примет её письмо, и не выполнит самое заветное желание. Но в последний момент глаза его дрогнули, губы расплылись в широкой улыбке, обнажая два ряда гнилых и жёлтых от чифиря зубов.

– Добро, дочка. Прочту его утром и сразу же всё выполню, – искренне пообещал он. – А теперь позволишь ли пройти да передохнуть с дороги дальней?

– Проходите, проходите, дедушка, как дома будьте, храни вас господь! А я чайник поставлю. У меня сахар есть и сухари с изюмом.

Счастливая Ленка унеслась в кухню, откуда тотчас послышался шум набираемой в чайник воды.

Петрович прошёл в квартиру и присвистнул. Большая комната вся была увешана и уставлена разными картинами, посередине стояли два мольберта: небольшой и вовсе огромный. Пол был заляпан разноцветными каплями красок. На небольших столиках громоздились тюбики, баночки, засохшие кисточки.

Рецидивист аккуратно выглянул в окно, но никакой опасности не заметил. «Пронесло» – подумал он.

– Чай готов, проходите, шубку-то можете в прихожей снять, да и бороду свою отцепляйте, думаете, я не знаю, что она не настоящая у вас? Вот знаю, что вы самый что ни на есть настоящий, а костюм ваш – нет! Уж больно старомодный.

Остаток вечера Ленка что-то без умолку щебетала уставшему Деду Морозу, который глядел в темень окна ослепшими глазами и думал, как податься в соседний городок, пересидеть месяц-другой на хате у кореша, пока всё поутихнет.

Когда Петрович начал клевать носом, Ленка услужливо предложила ему прилечь на диване, а сама уселась подле, с ногами забравшись в старое просиженное кресло. Взяв вышивку, девушка ещё долго бубнила себе под нос, рассказывая какие-то истории не то спящему Деду Морозу, не то себе самой.

Утром Петрович ушёл ещё затемно.

Когда Ленка проснулась в кресле, морщась от боли в затёкших ногах, его уже не было, но самое главное, что он забрал то заветное письмо. То самое письмо Деду Морозу, которое Ленка написала двенадцать лет назад и хранила все эти годы в ожидании чуда! От счастья она даже не обратила внимания, что вместе с письмом Дед Мороз забрал из жестяной конфетной коробки все её сбережения – пять тысяч семьсот пятьдесят рублей, прихватив так же на всякий случай несколько картин небольшого формата и пять банок тушёнки – весь запас, что хранился у Ленки в холодильнике.

Все следующие дни девушка ходила окрылённая, а в её окошко с треснутым стеклом светило яркое декабрьское солнце.

Доподлинно неизвестно, ЧТО именно попросила Ленка у Деда Мороза в письме, как и то, успел ли прочитать письмо Петрович до того, как его повязали на Зелениянском вок-

зале в три пополудни следующего дня. Но то, что жизнь Ленкина в последующем кардинально изменилась, – это факт.

Она всё так же рисовала для Матильды К., ела макароны с тушёной и слушала старые грампластинки. Однако не успели завершиться крещенские морозы, как в дверь её раздался тройной прерывистый звонок. «Бззззз-бзззззз-бзззззз». И это была не Матильда, ибо был не четверг, было не десять утра, и Матильда всегда звонила только дважды.

– Иду-у, иду-у, – по обыкновению пропела Ленка, шаркая всё теми же тапками без задников.

На пороге стоял представительный мужчина в дорогом пальто, тёмно-бордовый шарф отлично смотрелся с такого же цвета галстуком. Рядом с ним были худенькая девушка в больших стильных очках и молодой человек, держащий в руках дорогой планшет, а за ними – пара здоровых мордovorотов с цепкими холодными взглядами.

– Здра-авствуйте... – опешила Ленка.

– Здравствуй, Лена. Мы зайдём? – глубокий голос представительного мужчины проникал во все поры не то что кожи, а души, и Ленка лишь посторонилась с раскрытым ртом.

Нежданные гости вошли в квартиру. Амбалы остались у входа, а Представительный с помощниками прошли по комнате, разглядывая рисунки. Представительный лишь молча покивал и, сказав негромко что-то молодой девушке, удалился с мордovorотами, даже не попрощавшись.

Девушка в очках, проводив взглядом спину шефа, тут же с профессиональной улыбкой обратилась к молодой художнице:

– Елена, здравствуйте! Меня зовут Ангелина, я – помощник депутата городского совета Московцева Виктора Фёдоровича. А это Артём, старший специалист по молодёжной политике. Виктор Фёдорович – очень значимый человек в политических кругах, который проводит огромную работу для благоустройства и развития нашего города. Он хотел бы купить несколько ваших картин, чтобы подарить их Художественной галерее, а также некоторые – для своей личной коллекции. И он предлагает вам тесное сотрудничество.

– Но я... У меня забирает на продажу картины Матильда?..

– Этот вопрос уже решён. Вам не следует беспокоиться. И ещё, на следующей неделе приглашаем вас принять участие в выставке молодых талантов нашего города.

Так Ленка попала под крыло влиятельного мецената Московцева, который платил за её картины вполне реальные, в отличие от Матильды, деньги. Матильда, к слову сказать, перестала появляться у молодой художницы, как-то резко закрылся её салон после некоего скандала, а сама она внезапно продала свою двухкомнатную квартиру в центре и переехала жить к тётке в Одессу.

У Ленки, можно сказать, началась новая жизнь. Появились деньги. Её стали приглашать на выставки, мероприятия, а весной она планировала подать документы в художественную академию.

Май выдался тёплым. Ленка по обыкновению сидела на скамейке в городском парке, поставив перед собой мольберт, и рисовала цветущую сирень. Она так увлеклась картиной, что не сразу заметила рядом парня, любующегося её работой.

– Очень красиво! – отозвался молодой человек, широко улыбнувшись, когда Ленка обратила на него свои большие глаза.

– Спасибо!

– Я заметил, ты часто тут бываешь, сидишь на лавочке, рисуешь.

– А я тебя тут ни разу не видела.

– Какой там, ты всецело погружаешься в свои картины и не замечаешь вокруг ничего и никого, кроме объекта своего вдохновения!

– Да? Хм. Наверное, и правда. Я не думала об этом! А ты, значит, за мной наблюдаешь?

– Нет! – смутился парень. – Просто случайно проезжал мимо пару раз. А сегодня решил... припарковаться рядом.

Только сейчас Ленка обратила внимание, что парень сидит не на скамейке, а около неё, практически вровень, в инвалидном кресле.

– Тогда сиди тихо, пока солнце на месте, чтоб мне успеть поймать его лучи, а потом мы сможем поболтать, если хочешь.

– Хочу! – почему-то шёпотом ответил парень, и Ленка вновь принялась рисовать.

Спустя несколько минут ему наскучило сидеть в тишине, и он украдкой достал из внутреннего кармана куртки небольшую флейту и начал выдувать из неё едва слышные печальные ноты.

Андрей – так звали парня – уже пару лет как был прикован к креслу из-за травмы, которую получил во время занятий альпинизмом. А ещё он очень любил играть на флейте. Любил, но жутко стеснялся это делать. Порой ему хотелось просто приехать в парк и поиграть – в первую очередь для себя, а если кому-то захочется слушать, то и для окружающих тоже. Но едва он доставал флейту, как зеваки тут же начинали искать шляпу, коробку или футляр, куда кинуть деньги, думая, что инвалид просто хочет подзаработать. Андрею это не нравилось, он тут же прекращал игру и, раздосадованный, уезжал прочь...

– Что это за мелодия? Очень знакомая.

– Прости! – парень тут же перестал играть и, смутившись, спрятал флейту обратно. – Я не хотел тебя отвлекать.

– Играй. Играй. Это такая приятная мелодия. Она есть у меня на пластинке. Это же Битлз?

– Да. Это «Yesterday». Только в моей обработке...

Ленка с удивлением и радостью посмотрела на этого улыбчивого парня, и в её груди, там, где находится сердце, затеплилось какое-то новое, доселе неизведанное чувство...

Говорят, спустя пару дней она уже катила по парковым дорожкам инвалидную коляску, в которой сидел улыбающийся парень. Разместив на коленях сложенный мольберт художницы, он умудрялся выдувать из флейты красивые мелодии. Та ещё парочка! И оба были полны жизни и энергии.

А что дальше, спросите вы? Да, в принципе, и ничего.

Тот, кто верит в чудо, в конечном счёте получает его в той или иной форме. Главное – верить.

А для Ленки с Андреем эти чудеса только начались!

Вечность

Третий день подряд мы играли в карты на Краю Мира.

Я, Иуда и Падший Ангел.

Расположились в какой-то заброшенной казарме с худой крышей, в которую задувал ветер. Вокруг была безжизненная пустыня, и бушующая периодами песчаная буря швыряла горсти колкого песка в выщербленные стены здания.

А немного поодаль от казармы, если двигаться ниже по едва различимой тропе, был Обрыв, или тот самый Край. Край Мира.

Я не знаю, что я здесь делал. Хотя... Если попытаться припомнить, то я шёл... Очень долгое время. Я шёл к тому самому Краю, выставив руки вперёд, низко наклонив голову и пытаясь уберечь лицо и глаза от жалящего песка. Пока не встретил у самой Цели этот Пост, этих двоих. Они-то меня и не пустили за Край, заманили в казарму и предложили сыграть. Мол, буря скоро стихнет, и они – такие же путники, как и я, – коротают время, чтоб переждать непогоду. Я знал, Кто они на самом деле, не знаю откуда, но знал, и всё равно свернул со своего пути и пошёл к ним.

Мы играли в дальнем углу пустого помещения, сидя на перевёрнутых ящиках. Столом нам служил огромный пень, в середине которого нетвёрдо трепетало пламя огарка свечи. В перерывах мы пили тёплое кислое вино, ели засохший сыр, отдающий плесенью, и такие же сухари, с которых предварительно нужно было стряхнуть маленьких чёрных жучков.

Иуда сильно потел, исподлобья бегали его маленькие хитрые глазки, нигде не задерживая взгляд надолго, кустистая спутанная борода его шевелилась от неразборчивого бормотания, а грязные, покрытые струпьями пальцы уверенно тасовали потрёпанную и замусоленную колоду карт. Я знал, что он мухлюет, но всё равно согласился играть. Я проигрывал, но ставил вновь, пытаясь отыгаться. Я знал, что это бесполезно, но всё равно поступал так, вопреки себе. Почему? У меня нет ответа...

Падший Ангел сидел, забившись в дальний угол. Его лихорадило. Некогда белоснежные, а теперь грязные крылья со слипшимися перьями с шумом вздрагивали и шелестели по стенам, обсыпая потрескавшуюся штукатурку и облупившуюся краску. Одно крыло было неестественно вывернуто, и когда Падший шевелил им, то морщился от боли. Он ужасно смердел, заполняя комнату запахом гнили и мертвечины. Думаю, на сломанном крыле началась гангрена, и протянуть ему оставалось недолго.

Мы с Падшим Ангелом поочерёдно проигрывали, хотя ему порой и удавалось отыгаться, а Иуда продолжал так же бесстыдно мухлевать, причмокивая бледными, потрескавшимися губами.

– И снова моя победа, – проскрипел мерзким голосом Иуда. – Что ещё будешь ставить? – он вопросительно посмотрел на меня исподлобья, глазки его вновь забежали.

В углу заворочался Падший, шелестя крыльями по стене, и высыпал на стол жменю медяков. Иуда аккуратно придвинул к медякам серебряную монету. Две пары глаз, белеющие в полумраке, воззрились на меня. Взгляд Падшего Ангела был ледяным, давящим, а Иуда смотрел хитро и живо.

– Что там у тебя на шее? Серебро? – он противно облизнулся, по-змеиному высунув язык.

– Не твоё дело! – я еле узнавал свой голос, язык налился и был тяжёл от медного привкуса кислого вина, а на губах скрипел песок.

– Ну что ж, подумай! Ставить-то тебе больше нечего! – Иуда бросил взгляд на Падшего Ангела, который я прочёл как «Следи за ним!», а сам поднялся и вышел на улицу, впустив в помещение вихрь песка.

На улице едва различимо слышались голоса, кажется, среди них был женский или детский. Затем голоса постепенно стихли. Иуда провёл очередную группу Заплутавших к Краю. Такова была его Цель. Он служил Проводником. Вот только почему меня он не пустил к Краю, почему задержал здесь, я так и не смог понять.

Какое-то время спустя я различил его шаги и скрип двери.

– Там и для тебя есть работка. Иди!

Падший, прикрыв глаза от боли, поднялся и, шелестя по стенам и полу крыльями, вышел в бурю.

– Некрещённых младенцев относит в бездну Падший Ангел. По Дороге им Пути нету, – пояснил Иуда, небрежно наполняя вином из бурдюка свою кружку.

Он пригубил, сморщившись от кислоты, затем долго копошился в складках одежды, пока не вытащил очередной огарок свечи. Подпалив его от предыдущего, почти погасшего, Иуда вдавил основание свечи в лужицу воска, загасив тем самым слабо трепещущий огонёк. Стало гораздо светлее, по стенам заплясали причудливые тени, а мне показалось, что каждая свеча – это людская жизнь. Или жизни – уж больно схожи были всполохи теней с силуэтами Заплутавших.

Словно прочтя мои мысли, Иуда вновь противно заскрипел своим голосом:

– Тебе нечего больше поставить, кроме этой серебряной цепи. У тебя ничего больше нет. Уж не думаешь ли ты, что я стану играть на твою никчёмную жизнь, из которой даже такой огарок не получится?

Я на миг прикрыл веки, вспоминая, от кого получил в дар эту цепочку и как она служила мне оберегом долгие годы. Ценнее её у меня ничего не осталось. Открыв глаза, я долго пытался сфокусировать расплывающийся взгляд на Иуде.

– У меня есть... у меня... ещё... есть... – мозг силился что-то выцарапать из остатков памяти. И словно по чьей-то подсказке я выдохнул: – Душа...

– Хо-о! Ставки растут! – Иуда заёрзал на своём ящике, глазки его вновь забегали по комнате, а руки лихорадочно тасовали карты. – Странный выбор ты сделал. Променил кусок железа на душу. Но... – он грозно сверкнул глазами и прошипел сквозь зубы: – Ставки сделаны!

В этот единственный раз Иуда не смухлевал, а играл честно, но всё равно выиграл. Ему просто повезло. Выиграв мою душу, он вмиг погрузился, осунулся, обмяк и потерял всякий ко мне интерес. Хлопнула дверь. Вернулся Падший, да так и остался стоять у выхода, преграждая мне путь к бегству.

– Что теперь? – спросил я каким-то звенящим, металлическим голосом, ощущая во рту привкус крови.

– Мы отпустим тебя. Но заберём твою душу, – ответил Иуда, глядя в сторону.

Ощутив на шее нестерпимый зуд, я потянулся, чтобы почесать, но едва коснулся рукой цепочки, как она тут же рассыпалась под моими пальцами, превратившись в окисленную серозелёную вспененную пыль. Серебряная цепь вмиг истлела, и только сейчас я понял, что натворил. Волна ярости захлестнула меня. Я наливался злобой, чувствуя обман. Ведь я знал, что меня обвели вокруг пальца, с самого начала этого Пути. Но и знал я, что сам это допустил и уже ничего не мог исправить.

Повинуясь каким-то первобытным инстинктам, я подскочил и в один миг вцепился Иуде в глотку. Мы повалились на грязный пол, где я мёртвой хваткой сжимал пальцы на его шее. Где-то над нами суетливо шелестел повреждённым крылом и смердел гниющей плотью Падший, и вот, когда я уже почти прикончил Иуду, глядя в его выпученные глаза, что-то больно вонзилось мне под лопатку. Мой хват тут же ослаб, в глазах потемнело, а тело налилось тяжестью и неуклюже осело на бок. Падший Ангел выдернул из меня клинок и каким-то чутьём я ощутил, как он замахнулся для очередного, рокового удара. Но в этот момент взмах Падшего прервал властный женский возглас:

– Стойте!

Кажется, я даже попытался улыбнуться, услышав тот самый голос, который узнал бы среди тысяч других, но перед глазами замерцал калейдоскоп радужных огней, и я провалился в беспамятство.

Тоненькая струйка холодной родниковой воды текла мне на губы. Часть попадала в рот, часть стекала по щеке, за ухо и на шею. Нежные тёплые руки придерживали мою голову.

– Пей, – шептал знакомый женский голос. – Пей.

Я открыл глаза, и от яркого света они тут же заслезились. Пришлось зажмуриться, проморгаться, но когда открыл вновь, то уже знал, кого я увижу.

– Тайна? – я попытался привстать, но резкая боль под лопаткой сковала моё тело.

– Не вставай. Тебе ещё рано! – Тайна положила мне руку на грудь, а другой рукой убрала себе за ухо прядь выбившихся волос. Тёплый ветер с привкусом весны шевелил её белокурые кудри, убранные в толстую косу. Серые глаза улыбались, как и упругие губы, а над подбородком едва заметно белел давний крохотный шрам.

Я улыбнулся в ответ и откинулся на что-то мягкое, подложенное под спину её заботливой рукой. Я долго смотрел в её глаза и думал ни о чём. Так легко было думать ни о чём, лёжа под ясным небом и утопая в глазах любимого человека. Мыслей не было совершенно, как и воспоминаний.

Я помотал головой.

– Я не помню ничего! Совершенно! Ты знаешь, где мы? Что случилось? Что произошло со мной? Как?..

– Тссс! – Тайна приложила палец к губам, а затем наклонилась и едва-едва коснулась губами моих губ. – Помолчи. Не трать силы. Ты немного ранен. Тебе надо отдохнуть.

– Но где мы?

– Все потом. Поспи!

И, словно по её команде, на меня навалился сон.

– ...пришлось уплатить им твой долг, твой проигрыш и забрать тебя! Иначе бы они не отпустили.

Мы стояли неподалёку от широкой реки, держа под уздцы двух пегих коней, щиплющих траву возле наших ног. Рана у меня под лопаткой почти зарубцевалась, хотя и ныла ещё ночами, но передвигаться я мог самостоятельно и на коне.

– Но что я там делал? Куда шёл?

– Ты заблудился. Потерялся. Запутался в себе и в какой-то момент свернул со своего пути и стал заблудшим, ищущим Край. И ты почти достиг его, если бы не эти двое... – Тайна глядела вдаль, на неспешные воды реки.

– Получается... я Ушёл?

– Почти так. Потерялся.

– И как ты узнала, где я? Где меня искать?..

– Помнишь, я рассказывала про мою бабушку и про тот дар, что она передала мне. Мы, наш род, мы можем немного больше, чем большинство обычных людей. Мы умеем Спрашивать, Разговаривать, Искать и... Находить. Ну, и если к этому всему добавить мою интуицию и... любовь... В общем, не так сложно было разыскать тебя. Гораздо сложнее казалось вернуть, и если бы не эти двое, нарушившие Свод... – Тайна осеклась.

– «Нарушившие Свод»?

– Не важно. Тебе не обязательно знать всё. Важно, что ты отвернул с того Пути, что не достиг Края... И что ты снова со мной. Вот что важно! – она посмотрела на меня, и мы крепко обнялись.

– Но где мы теперь? Что это за место? – её волосы щекотали мне лицо, и я благоговейно вдыхал тонкий можжевёловый запах с нотками цитруса.

– Сложно, да и долго всё это объяснять. Если примитивно, то что-то вроде Чистилища, Лимба, реки Стикс... Но это всё так, на уровне сказок и легенд. Некий промежуток между тем миром, где мы считаем себя Живыми, и тем, в который мы отправляемся потом. В этом месте мы – те, кто задерживается, – ещё не бесплотны как душа, но и в тот мир людей, откуда пришли, уже не можем вернуться и стать прежними. Там мы вроде как... Вроде как нас не стало, но тут мы ещё живём, потому что по самым различным причинам не можем отправиться дальше...

– Кажется, у меня голова сейчас лопнет от всего этого.

– Мало кто задерживается здесь так надолго. Извини, слишком много информации для тебя за один раз. Нам пора отправляться в путь.

– Но ещё один вопрос. Последний.

Запрыгнув на коня, Тайна обернулась ко мне в пол-оборота и пристально посмотрела в глаза.

– Если я... Ушёл оттуда. То ты за мной следом. Но... как? Ты специально? Ты нарочно что-то сделала. Ты...

– Нет! – она улыбнулась. – У женщин всегда есть свои секреты, а тем более у Чаровниц.

Тайна прищипорила коня, и мне ничего не оставалось, кроме как забраться на своего и припустить за ней.

– Что это за место?

Закатное солнце играло сотнями бликов на чешуйчатой глади реки, а мы, привязав коней, стояли у подножия величественного, но запущенного маяка.

– Маяк.

– Просто маяк?

– Ну, можешь назвать его Маяк Света, Маяк Провожающий за Край. Как угодно, суть его от этого не изменится, ведь верно?

– Ну, да. Он освещает путь каким-то кораблям?

– Нет, он был построен, чтоб заблудшие души могли найти верный Путь и отправиться туда, куда им следует. Куда им предопределено.

Немного помолчав, Тайна продолжила:

– Может, помнишь, есть поверье, что некий лодочник Харон перевозит души умерших через реку мёртвых – Стикс.

– Да, что-то припоминаю, хотя не силён ни в религии, ни в мифологии.

– На самом деле он не лодочник. Харон был смотрителем этого Маяка. Очень долгий срок.

– Куда же он делся?

– Ушёл на покой. Его Время истекло. Да, даже тут у каждого есть своё время, как и своё предназначение. А ещё... – она на миг задумалась, словно желая добавить что-то к сказанному, но вместо этого задрала голову вверх, глядя на величественное строение. – Так ты согласен?

– С чем? – медленно спросил я, следуя примеру Тайны и задирая голову наверх.

– Остаться тут. Смотрителем этого Маяка.

– Я? – я мог ожидать чего угодно, но это предложение меня ошеломило. Масса вопросов роилась в голове.

– А почему именно Ты об этом спрашиваешь? Или... предлагаешь?

– Ты ведь всегда хотел этого, это была твоя мечта – там, в мире живых. Но раз так получилось, что ты Ушёл оттуда, Ты можешь... подождать меня тут.

– Послушай, я ничего не понимаю. А с тобой, Туда, мне нельзя?

– Поверь, моё – лучшее предложение, чем твоё. Прежним ты там не будешь, а иным не стоит и пробовать. Ты уже свернул с Пути, так стоит ли возвращаться, чтоб снова дойти до этого поворота?

– Хм, – я задумался, устремив взгляд на реку и почёсывая пятидневную щетину.

– А мне нравится твоя небритость, – улыбнулась Тайна и провела пальцами по моей щеке. – Колючий!

Я смотрел в её глаза – серые как грозовое небо, и тонул в них...

Тайна пробыла со мной ещё пару дней, пока не наступила пора её возвращения. За это время я осмотрел хозяйство маяка, старый, но бодрый Харон разъяснил мне суть Работы. Я был удивлён, узнав, что этот старец, проживающий выше по реке в рыбацкой лачуге, приходился Тайне далёким предком, если рассматривать это родство по меркам мира Живых.

Мы с Тайной снова стояли у подножия теперь уже горящего Маяка, и луч его простирался далеко за Реку.

– Мне нужно завершить там кое-какие дела, но я смогу иногда сбегать сюда во сне, буду навещать тебя.

– Я буду ждать, но сильно не спеши. Век Живых краток, успеешь сделать там всё, что надо, а у нас с тобой впереди целая наша Вечность.

Руки Тайны обвили мою шею, а когда она отстранилась, я на миг ощутил вокруг шеи что-то холодное. Коснувшись пальцами, я понял, что это цепочка.

– Не теряй больше её, – попросила Тайна, глядя на меня.

– Думал, она рассыпалась.

– Это от того, что... – Тайна задумалась, повернув голову к реке. – Береги свою душу, Странник!

Мы крепко обнялись, и после долгого поцелуя Тайна бодро вскочила на коня и, прищипав его, галопом помчалась прочь.

Я долго смотрел ей вслед, а когда силуэт её стал неразличим на фоне горизонта, неспешно побрёл вдоль берега к лачуге Харона на ежевечернюю партию в шахматы и бокальчик полусухого вина из винограда урожая ранней осени.

Впереди теперь была целая Вечность.

Размеренная и целеустремлённая Вечность.

За грибами

Ранним субботним утром на первой электричке Катя поехала в пригород за грибами.

«Ну и что, что поругались» – говорила себе девушка, собираясь ни свет ни заря на станцию. «Ну и что, что ушёл, – вернётся как миленький, а я докажу, что и без него способна справиться».

Собиралась она основательно. В небольшой рюкзачок положила литр воды, спички и перочинный нож. Хотела ещё компас прихватить, но не нашла. Взяла горькую шоколадку – как рассказывала мама, альпинисты и лётчики всегда берут его с собой как НЗ. Приготовила так же бутерброды с колбасой, завернув их в фольгу, и пару яблок.

К грибному походу в лес Катя была готова. Надев тёплые колготки и джинсы, она обула резиновые сапоги, предварительно утеплив ноги шерстяными носками. Поверх водолазки надела жилетку и старенькое осеннее пальто изумрудно-зелёного цвета. Конечно, гораздо удобнее бродить среди деревьев было бы в спортивной куртке, но такой у Кати не было. Да она и не собиралась углубляться далеко в лес, планируя просто прогуляться по опушке, чтоб развеяться и привести мысли в порядок. А корзинку взяла скорее для антуража – такая уж была она романтическая натура.

В полупустой электричке дремали старички-грибнички и бабули, следующие по своим дачным делам. Никто не досаждал Екатерине ни лишним шумом, ни вниманием, и она спокойно проехала большую часть пути, погружившись в свои мысли и любимые мелодии в плеере, пока на одной из станций к ней не подсели два мужичка среднего возраста. Музыка в наушниках играла негромко, и Катя невольно прислушалась к разговору.

– ...а за грибами не ездил? – спросил один у другого, глянув на Катину корзинку, стоящую рядом с ней на сиденье.

– Дак на прошлой неделе в Дубках был! Грибов – во! – при этом мужчина выразительно провёл большим пальцем поперёк шеи.

Дальше мужчины заговорили о рыбалке, а Катя задумалась. Станция Дубки была на пару станций раньше Покровского, куда и направлялась девушка. В Покровское они часто выбирались с мужем за грибами или просто прогуляться в лесу, в Дубках же она не была ни разу. Всплыли в памяти мамины рассказы из детства, что там есть дорога на болота, по которой ходят за клюквой. Это место всегда представлялось девушке таинственным и загадочным.

За окном мелькал живописный лес, и Кате вдруг захотелось очутиться именно в том месте, где она ещё никогда не бывала. Побродить там одной, доказать себе и всем остальным, что она тоже кое-что в этой жизни может сама.

«Ну а если верить разговору двух мужчин напротив, так, может, ещё и грибов набрать удастся» – думала Катя.

Девушка с улыбкой представила, как вернётся вечером домой с полной корзиной грибов и будет игнорировать мужа – они ведь поругались. Он, конечно, будет пытаться помириться, он ведь отходчивый, а она будет такая стойкая железная леди. Потом она заставит его до полуночи чистить грибы – а будут непременно все белые и отборные, – а сама с блаженством залезет в горячую ванну и расслабится. Ну а потом снизойдёт до того, чтобы всё-таки помириться с мужем, и будет взахлёб рассказывать о своих лесных приключениях. А потом – может быть, хотя и не факт! – она скажет, что тоже была не права в их ссоре и тоже попросит прощения – может быть!

Электричка тем временем подходила к станции Дубки. Как ни странно, на ней вышло очень много народу. Помимо старичков была и молодёжь, и целые семьи. Вышла и Катя, полной грудью вдохнула прохладный осенний воздух, пахнувший лесом и опавшими листьями, улыбнулась солнышку, на миг взгрустнула, что такой погожий денёк можно было провести

и с мужем, но против характера не попрёшь! Проводив взглядом отъехавшую электричку, девушка бодро зашагала по просёлочной дороге в сторону леса, повесив на руку корзинку, – эдакая провинциальная барышня конца девятнадцатого века.

За городом, несмотря на солнечный день, было холоднее, чем среди привычных многоэтажек. Подул пронизывающий ветер, и Катя накинула на голову широкий шарф-косынку – на манер платка. Появились редкие берёзки, вокруг которых грибниками были натоптаны тропинки, и Екатерине не оставалось ничего, кроме как углубиться дальше. Благо, лес был пока не густой: между стволами деревьев проглядывала железнодорожная насыпь и доносились звуки цивилизации.

Катя подобрала палку и шла то опираясь на неё, то вороша листья – разыскивая спрятавшиеся под ними грибы. Углубившись в лес метров на сто, она двинулась параллельно железной дороге, чтоб не заблудиться. Вдалеке иногда мелькали спины конкурентов – таких же, как и она, субботних грибников. Один раз на полянке девушке повстречалась целая семья. Двойняшки лет пяти – мальчик и девочка – резвились между деревьев и вежливо поздоровались с Катей, пробегая мимо неё, что вызвало на лице девушки улыбку. Следом прошла их мама и, тоже улыбнувшись, спросила:

– Здравствуйте! Нашли что-нибудь?

– Добрый день! Пока нет, – ответила Катя, – я только начала.

– Ну, хорошего сбора вам. Говорят, за ручьём места грибные, – и женщина махнула рукой куда-то вглубь леса.

Встреча с семейством на поляне, забавные беззаботные дети и пробивающиеся сквозь кроны деревьев солнечные лучи, раскрашивающие землю светлыми пятнами, вызвали в Катиной душе приятное, романтическое чувство. А ещё она ощутила чувство голода и решила перекусить, устроившись на поваленном дереве.

Катя с аппетитом жевала бутерброды, запивая водой, и, прищурив глаза, смотрела на солнечные лучи, пробивающиеся сквозь густые ветви. Закончив трапезу, девушка поднялась – в животе ощущалась приятная тяжесть, а организму стало заметно теплее – и решила отойти ещё немного в сторону от железной дороги. Едва Катя прошла метров десять, как тут же наткнулась на парочку аккуратных упругих боровичков, которые и положили начало её сбору, перекаtywаясь по пока ещё пустому дну корзинки. То тут, то там Катя находила аппетитные благородные грибы – словно набрела на какую-то полосу, заколдованную от других грибников.

Так, от грибницы к грибнице, Катя добралась до ручья. К тому времени её корзина уже была заполнена на треть. На дне глубокого рва журчал задорный поток воды, такой прозрачный, что видно было дно. Иногда мимо он проносил упавший с дерева жёлтый листик или сухую ветку. И, словно специально для Кати, в двух шагах был перекинут небольшой, сделанный кем-то из двух поваленных брёвен, мостик. Девушка на миг задумалась, глянув в ту сторону, откуда пришла. Вдалеке был слышен проезжающий поезд, это её успокоило: значит, недалеко забралась, цивилизация где-то рядом! Катя ловко преодолела мостик и оказалась на противоположном берегу.

Она прошла вдоль русла, отдаляясь от него не дальше десяти метров, но грибов не было. Девушка уже хотела было вернуться назад к мостику, перейти ручей и порыскать ещё на том берегу в поисках очередной волшебной полянки, но вдруг увидела впереди прогалину с редкими берёзами. Там ей снова повезло: то тут, то там торчали из земли молоденькие боровички и подберёзовики. В следующие пятнадцать минут в корзинке прибавилось ещё на треть. Увлечённая собирательством Катя, пребывая в мыслях о муже, произошедшей между ними ссоре, о том, что он наверняка обрадуется полной корзинке таких красивых, свежих и крепких грибов, не заметила, как перестала контролировать направление, в котором находятся ручей и железная дорога. Вскоре она спохватилась, но звуки станции уже не были слышны. Лес безмолвствовал, тишину нарушали лишь редкие крики неизвестной птицы и шум ветра в ветвях.

Катя пока не отчаивалась, она всегда неплохо ориентировалась на местности и в лесу, поэтому даже в мыслях не было, что она могла заблудиться.

Девушка присела на корточки, прислонившись спиной к широченной берёзе, и принялась грызть яблоко, размышляя, в какую сторону будет выбираться из чащобы. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь высокие кроны деревьев, ещё плясали по лицу, но погода начала портиться. На небо набегали тучи, похолодало. Катя выбросила огрызок, с сожалением взглянула на неполную корзину и решила возвращаться – не хотелось застрять в лесу в дождь и непогоду, на крайний случай, можно будет добрать корзину до верха на опушке, поближе к станции. С этими мыслями девушка и побрела, по её мнению, в обратную сторону. Места казались знакомыми, вроде бы тут она уже проходила. По пути даже встречались срезанные ею ножки грибов, но глубокий ручей всё не попадался, а Катя была уверена, что выбраться к железке можно только через его русло.

Она глянула на старенький кнопочный мобильник, который взяла с собой вместо дорогого, но бесполезного в лесу смартфона – нарочно отключив его, чтоб милый помаялся, если вздумает ей звонить. Часы на треснутом экране показывали 15:11. Катя не думала, что прошло уже так много времени. Ещё её смутила почти разрядившаяся батарея, потому как девушка была уверена, что утром видела на экране значок полного заряда, и прежде этот телефон её никогда не подводил. Холодный ветер пробирал до костей, небо затянуло, начал накрапывать дождь. Руки и ноги у Кати замёрзли, и она зябко куталась в продуваемое пальтишко. Неполная корзина грибов вдруг показалась неимоверно тяжёлой, на девушку навалилась дикая усталость, словно кто-то нарочно давил со всей силы ей на плечи. Катя села на корягу, чтоб немного отдохнуть, и её тут же начало клонить в сон. Девушка клевала носом, не в состоянии бороться с навалившейся дремотой, пока ей не почудилось, что кто-то прошёл неподалёку – она отчётливо слышала шаги, шуршащие по опавшей листве, хруст мелких веток, хриплое дыхание. Ей даже привиделся неясный силуэт, едва она открыла глаза, однако он растворился, как только Катя сфокусировала зрение и всмотрелась вдаль. Девушка встрепенулась, подскочила и с гулко стучащим сердцем заспешила подальше от этого места, еле сдерживаясь, чтобы не припустить бегом.

Кругом были деревья, деревья и только деревья! Она попыталась позвонить, но мобильный не ловил сеть. На экране высветились цифры 17:02, лес окутывали сумерки и туман. Дождь не прекращался, и Катя чувствовала, что пальто уже промокло насквозь на плечах и спине. Она не знала, что делать, и принялась кричать и звать на помощь. Лес молчал в ответ, лишь деревья покачивали своими толстыми ветвями. Пальцы онемели от холода, и Кате постоянно приходилось дышать на них, чтоб хоть немного согреть.

Видимость ухудшалась. Катя в отчаянии металась от дерева к дереву, пока с размаху не ударилась голенью о поваленное бревно. Она чудом не упала, но нога онемела от боли, и дальше девушка двигалась медленно. Ей вдруг стало безумно жаль себя, по глупости и наивности попавшую в такую идиотскую ситуацию. Хотелось домой, в тепло, хотелось есть, хотелось к мужу – закутаться с головой в одеяло и согреться там, прижавшись к его горячему телу. Она проклинала себя за вчерашнюю глупую ссору, за эту поездку, проклинала попутчиков, которые сбили её с толку и из-за которых она попёрлась в этот незнакомый лес. Горькие слёзы текли по щекам, горло саднило от криков. Молодая девушка брела, хромая, в самую гущу тёмного леса, окутываемого сумерками.

Наконец, когда слёзы кончились, Катя постаралась успокоиться и взять себя в руки. Она села на поваленное недавно дерево и первым делом проверила связь на мобильном. Сигнала, конечно же, не было, индикатор показывал пустую батарею – телефон вот-вот должен был отключиться. Время на часах было 19:23. Девушка заглянула в рюкзак: полбутылки воды, одно яблоко, перочинный нож, спички, плитка горького шоколада, влажные салфетки, гигиеническая помада и всякие женские безделушки вроде заколок и пилочек для ногтей. Катя тут же

жадно вгрызлась в яблоко, предусмотрительно убрав НЗ-шную шоколадку и воду обратно в рюкзак. Мелькнувшая было мысль о костре тут же отпала, так как всё вокруг было сырым, а Катя не была опытным походником и вряд ли разожгла бы огонь в дождь. Чтоб согреть руки, девушка принялась чиркать спичками, но, безуспешно испортив несколько и разорвав черкаш на одной стороне коробка, оставила эту затею. Она убрала спички в карман брюк, чтобы они могли подсохнуть от тепла тела. Девушке не осталось ничего иного, как провести ночь в лесу, без огня и укрытия, и, горько вздохнув, почти всхлипывая, Катя приняла этот факт. Тело бил озноб, одежда была мокрая от дождя. Девушка дрожала, скрючившись на бревне и зажав замёрзшие ладони между ног. Она уже не плакала навзрыд, но капельки слёз всё ещё изредка стекали по щекам.

В мыслях был полный хаос, она просто не была готова к такому развитию событий. Домашняя девочка, посещающая трижды в неделю фитнес-зал и раз в месяц солярий, осталась вдруг одна в дремучем лесу, в дождь и холод. Её мозг просто отказывался принимать это. Она всё ждала, что вот-вот увидит свет фонарика и Сашка найдёт её тут, обнимет, накинёт на промокшие плечи мужскую куртку, хранящую его тепло, и отвезёт домой. А по дороге он накормит её вкусными бутербродами и заботливо будет отпаивать чаем из термоса – тем вкусным душистым чаем, который умеет заваривать только он. Потом она уснёт в тёплой машине, положив голову ему на плечо, будет играть негромкая приятная музыка и уютно подсвечиваться приборная панель в тёмном салоне авто.

Где-то вдалеке заухала сова, и этот звук вырвал Катю из приятных мыслей. То тут, то там хрустела ветка, капли дождя шуршали, падая на жёлтые листья деревьев и разбиваясь в мириады брызг, неведомые жители леса вели перебранку незнакомыми городской девушке головами. Катя выудила из рюкзака плеер и попыталась отвлечься музыкой, но через миг выдернула наушники и прислушалась. Она испугалась, что её будут искать, звать, а она не услышит, и люди пройдут мимо, так и не найдя её. Катя сидела, прижавшись к стволу дерева, дрожала и клевала носом от усталости, пока её не сморил чуткий и беспокойный сон.

Подняв голову, девушка вдруг увидела перед собой поляну, освещённую лунным светом, на ней резвились те самые близняшки, которых она видела днём. Кате не удавалось разглядеть их лиц, но ей показалось, что они были вымазаны чем-то тёмным. Дети перебрасывали друг другу тяжёлый предмет – размером с мяч, но неправильной формы – и напевали: «Мы убили волка, мы убили волка». Потом появилась мать и шикнула на детей, прогоняя с поляны. Дети бросили предмет на землю и с визгом убежали в ночь. Женщина пристально посмотрела на сидящую под деревом Катю и чётко произнесла: «Уходи!», и тут же у девушки в голове появился навязчивый голос. «Уходи! Уходи! Уходи!» – с присвистом шептали чьи-то влажные холодные губы, касаясь самого уха. Катя не отрываясь смотрела на женщину – та медленно пошла вдоль поляны, наклонилась, подняла брошенный детьми предмет и положила в свою корзинку. В какой-то момент Кате показалось, что это была волчья голова.

«Уходи! Уходи!» – не прекращался мерзкий шёпот. Говоривший уже не просто касался губами, а облизывал своим холодным языком ухо Кати. Девушка встрепенулась, широко раскрыв глаза.

«Уходи! Уходи!» – звучало в её голове. И когда кто-то снова коснулся её щеки холодным и влажным ртом, девушка вскрикнула от испуга и отпрянула в противоположную сторону. Вскочив, она хотела побежать, но, зацепившись ногой о стоящую на пути корзину с грибами, растянулась на мокрой земле и беспомощно завывала, касаясь щекой холодного мха. Платок сбился, и дождь капал на лицо. Больше ничего не происходило, никого рядом не было. Придя в себя, Катя несмело поднялась на четвереньки и подползла к дереву. Перед ней была тонкая ветка с единственным листком, который трепал ветер. Именно этот мокрый листик касался Катиного уха, и спросонья девушка приняла его за чьи-то холодные губы. Поляны перед ней никакой не было, как и лунного света. Небо было беспроглядным от низких дождевых туч.

А дети, игравшие волчьей головой, оказались лишь сном. Катя вновь уселась на прежнее место, предварительно отломив и отбросив подальше ветку с листком. Сунув наушник в одно ухо, она включила плеер и до рассвета больше не сомкнула глаз.

Когда стало светать и в сером воздухе можно было различить деревья, Катя поднялась на замёрзших ногах. Девушку знобило от холода и усталости, а может, она начала простывать.

Съев несколько долек шоколада и запив их скупыми глотками воды, Катя тронулась в путь. Машинально она подняла опрокинутую корзинку с грибами, которая казалась сейчас неподъёмной.

Девушка не знала, куда идёт, и просто шагала прямо, огибая корявые стволы деревьев. Она вспоминала скудные познания о том, что нужно делать, если заблудился в лесу, как определять стороны света, но ничего путного ей на ум не пришло. Да даже если бы и удалось определить, в какой стороне, например, юг и север, Катя не имела ни малейшего понятия, где находится железная дорога, где её город, и в каком направлении она вошла в лес. Девушка просто шла, потому что нужно было идти – хотя бы чтоб согреться. Она то ругала себя за глупость, то плакала навзрыд от отчаянья. Утерев слёзы, переходила на бег, прихрамывая на ушибленную ногу, но быстро запыхавшись, вновь брела пошатывающейся походкой. Одежда была насквозь мокрой, и от неё шёл пар. Иногда Катя кричала, звала на помощь, но быстро срывала голос и прекращала. Зато в голове всплыла сцена из фильма «Титаник»: когда главная героиня не смогла позвать спасательную шлюпку, ей помог сигнальный свисток. Катя вспомнила, что они в детстве тоже вырезали свистки – из ивы, да только где же найти её в этом лесу?!

Девушке повезло – через какое-то время удалось найти подходящую ветку липы, из которой можно было сделать свисток. Достав нож, Катя приступила к работе. Онемевшие пальцы не слушались, лезвие пару раз срывалось с ветки, и Катя едва не поранилась. Напрягая память, она пыталась вспомнить то, что в детстве происходило на автомате. Испортив несколько заготовок, Катя всё же вырезала вполне приличный свисток. На это у неё ушли половина дня, весь оставшийся запас воды и почти вся шоколадка. Донимали головная боль, озноб, слабость и голод, но девушка резво свистела, собирая оставшиеся силы.

Никто не откликнулся. Никто не пришёл. Лишь день слишком быстро убегал от Кати, превращаясь в промозглый осенний вечер. Девушка не стала больше испытывать судьбу и начала искать хоть какое-то укрытие от непогоды. Она вспомнила, что проходила мимо вывороченного из земли дерева, и решила укрыться под его корнями.

Катя натаскала веток и соорудила хлипкий навес. Но он всё равно не спасал от порывистого ветра и вновь начавшегося дождя. Пытаясь развести костёр и сломав большую часть спичек, Катя смогла поджечь обёртку от шоколада. Затем сунула в то же скудное пламя несколько денежных купюр. Она подкладывала в огонь веточки, но они были слишком мокрыми, чтоб разгореться. Под конец Катя сунула в пламя спичечный коробок с остатками спичек и на несколько секунд продлила жизнь крохотного огонька в этом страшном и холодном лесу. Получив, пусть и небольшую, порцию тепла и света, девушка воодушевилась и поверила, что завтра её действительно найдут. Не такие уж у них тут леса, чтоб за три дня насквозь не пройти.

Едва пламя погасло, как тьма, наступающая на лес, стала практически осязаема.

Катя, чтоб хоть как-то отвлечься, стала думать о Сашке. О его непростом характере. О её привычке не идти на уступки и делать всё наперекор ему. Об их жизни. О впустую потраченном времени. Каждый жил собственной жизнью, и слишком мало у них было чего-то совместного. Взять, к примеру, детей. Даже разговоров об этом не заводили, а вроде и пора бы уже было задуматься о потомстве, спустя пять лет брака. У него – работа, карьера. У неё – свои интересы, амбиции, подруги. А ведь оглянуться – а за спиной пустота. Ничего реального, никакого итога, никакого плода, никакого результата. Умри она этой ночью, и миру не за что будет её помнить. Что она такого сделала к своим двадцати пяти годам? Получила диплом и работу не по специальности. Выскочила наспех замуж, потому что жених завидный был, тол-

ком не успев даже разобраться в своих чувствах к нему. И вот теперь она одна, в холодном лесу, балансирует на грани между жизнью и смертью. А где же он? Ищет ли? Или тренирует волю – кто первый протянет руку перемирия?

Катя свернулась калачиком на земле, прислонившись спиной к вывернутым корням дерева, и забылась в беспокойном сне. Это было что-то среднее между обмороком и дремотой. Всё тело ломило от боли. Катя чувствовала жар, в то же время содрогаясь от озноба. Ночь прошла в беспамятстве.

Потом вдруг яркий свет и череда картинок перед глазами. Мамина собака – Нюрка, которая любила лизать лицо юной Катеньки. А потом – почему-то школа и Светка Протопопова, хотя и не дружили никогда. А потом – Сашка и медовый торт на годовщину свадьбы.

А потом – тёмный лес и шум капель, стучащих по листе.

Очень-очень жарко и ломота во всём теле. Пересохло во рту. Кругом дождь, а во рту – пустыня! И снова темнота.

Дед Бобырь на прошлой неделе отметил юбилей – девяносто лет. Несмотря на преклонный возраст, чувствовал себя он бодро. В войну был разведчиком, брал «языков» и пускал фашистские эшелоны под откос. После войны работал егерем. Прожил достойную жизнь, вырастил детей и внуков, которыми можно было гордиться. А как вышел на пенсию, обосновался на хуторе, где коротал дни в своё старческое удовольствие. Ходил на охоту, за грибами, парился в бане.

Ещё с войны дед Бобырь любил дождь. «Холодная дождливая ночь – лучшее время для разведчика!» – говаривал его командир. Вражеские часовые в такую погоду теряли бдительность.

Ну а в мирное время дождь тем был хорош, что приезжих грибников почти не бывало в лесу, можно было ходить по своим грибным местам и набирать за раз по две корзинки.

Ранним утром понедельника дед Бобырь надел старенький брезентовый плащ, резиновые сапоги, закинул за спину выпцветший и залатанный вещмешок и ещё затемно, прихватив пару пластмассовых вёдер, отправился по знакомой тропинке в глубь леса. Около его ног семенил пёс Мухтар – подарок внука и лучший друг деда в последние годы.

Кате снова снилась Нюрка, которая лизала ей лицо, только на этот раз язык был горячий и влажный. Собака громко лаяла, от чего в голове вспыхивали молнии боли. Девушка разомкнула веки, что далось ей с необычайным трудом: вокруг был всё тот же серый лес и ещё какое-то мельтешение неподалёку, шум и чьё-то присутствие. Сфокусировав взгляд, Катя заметила лохматого пса, который то лаял, подскакивая к ней, то отбегал в сторону, словно подзывая кого-то.

Затем вдалеке послышался голос:

– Ну что ты, Мухтар, что ты разлаялся?!

И из тумана материализовался старик в плаще и накинута капюшоне. Увидев девушку, он прибавил шаг и опустился на колени. Потрогал её лоб и покачал головой.

– Пить, – еле слышно прошептала Катя потрескавшимися губами.

Бобырь быстро скинул вещмешок, выудил из его недр выдавший виды помятый термос и налил в железную кружку душистый горячий чай. Разбавив его водой, чтоб Катя не обожгла губы, протянул ей, поддерживая кружку руками, пока девушка утоляла жажду. После этого дед достал из кармана что-то среднее между мобильным телефоном и рацией и принялся звонить.

Тепло от горячего чая приятно растеклось по телу, глаза Кати закрылись, и она снова впала не то в сон, не то в беспамятство.

Очнулась девушка уже в микроавтобусе спасателей. Рядом сидел сурового вида офицер в синей униформе МЧС.

– Отдыхайте пока, – обратился он к Кате, – я сделал вам укол. Скоро полегчает. В рай-центре передадим вас бригаде скорой.

Последние слова доносились издалека, девушка снова погружалась в темноту.

В следующий раз она очнулась уже в скорой, которая, мерно урча двигателем, мчала по шоссе.

Рядом сидел её муж, лицо его было встревоженным, глаза красные.

– Сашка, – сказала Катя слабым голосом, – ты почему такой... Ты усталый...

– Ты лежи, лежи, – поспешил успокоить её муж, – не трать силы. Уже всё хорошо. Всё позади, – и через небольшую паузу: – Ну и напугала ты меня, я всех на уши поднял, везде тебя искали, а ты вон где оказалась. Ну, ничего, всё теперь хорошо будет. Главное, что нашлась.

Он держал Катю за руку и нежно поглаживал пальцы. А она смотрела на него, не в силах сдерживать слёзы.

«Прости!» – хотела она сказать, но мешал ком в горле.

Через пару недель Катю выписали из больницы.

Первые выходные ноября выдались тёплыми, и они с Сашкой поехали в Дубки. Там разыскали одинокий домик деда Бобыря, и Катя от всей души поблагодарила его. Старик лишь отмахнулся да вернул корзину, которую девушка до последнего тащила с собой, пока не свалилась под тем деревом.

Дед напоил их вкусным травяным чаем и показал пару грибных полянок, где ребята, прогуливаясь, набрали полную корзину белых грибов. Они смеялись, держались за руки, Катя с разбегу запрыгивала на Сашку, и он кружил её на поляне среди берёз.

Вечером они возвращались домой – усталые, но довольные, да ещё и с грибами. Катя что-то щебетала, смеялась и подолгу смотрела на Сашу взглядом, полным любви.

События двухнедельной давности казались им теперь обычным недоразумением.

Майк

Я влюбилась в Майка, едва он первый раз переступил порог нашего дома. У мамы в ту пору был сложный период в жизни, она тяжело переживала развод с моим отцом и искала утешение в каждом встречном ухажёре, которые менялись у неё через два-три месяца. Одни уходили со скандалом, другие просто вдруг в один прекрасный миг переставали появляться в нашем доме.

Мне на тот момент было четырнадцать, пубертатный возраст в самом разгаре, и вот – появился Майк, герой моих грез... Нет, вы не подумайте, я не какая-нибудь нимфетка со страниц Набокова, которая тут же принялась строить взрослому мужчине свои юные глазки цвета ореха, носить маечки без лифчика и задира́ть ноги в коротенькой школьной юбке, чтоб засветить трусики. Я никоим образом не показывала своих чувств, просто запира́лась в своей комнате и тихонько страдала, представляя всякие истории о нас с Майком.

Это был добрый задумчивый мужчина чуть за сорок, глядящий на мир сквозь затемнённые очки-капли взглядом человека, у которого есть всё. У него были крепкие жилистые руки, покрытые тёмно-русыми завитками волос, которые сводили меня с ума, немного грустная улыбка и завораживающий негромкий голос. От него всегда приятно пахло, и в те несколько месяцев, что он жил у нас, я забыла о запахе грязных мужских носков.

По утрам в выходные он молот кофейные зёрна на старой ручной мельнице, варил в медной турке кофе и жарил глазунью или омлет. Майк вообще был большой любитель готовки, и можно сказать, что многому по кухонной части я научилась у него – даже не целенаправленно, а просто наблюдая за его манипуляциями. Иногда я спрашивала, например, зачем перед заваркой нужно ополаскивать чайник кипятком или почему в жарку вначале кладут лук, а потом морковь, ну или зачем вообще в блинное тесто одновременно добавлять сахар и соль. Спрашивала я нарочито рассеянно, пытаясь придать голосу побольше безразличия, а на самом деле не хотела показать дрожь волнения.

Его постоянно сопровождала музыка. Порой он слушал что-то старое вроде ранних *Dereche Mode* или *Pink Floyd*, порой – русский рок или какие-то странные музыкальные проекты. Но в целом меня не напрягало то, что он слушает, хотя, конечно же, вкусы у нас различались.

Одевался он просто, часто носил потёртые джинсы и свитер с треугольным вырезом, в который я тайком мечтала запустить свои пальчики.

А ещё он относился ко мне не так, как все другие мамы ухажёры: какое-то человеческое было отношение, будто на равных. Он не поучал, не стремился воспитывать и, самое главное, не облизывал меня слащаво-похотливым взглядом. Он принял меня такой, какая я есть, но никогда не стеснялся высказывать своё мнение. Благодаря ему я не проколола нижнюю губу, не обрила часть головы и не сделала тату между пальцев на левой руке. Но в то же время Майк порекомендовал мне кучу интересных книг и фильмов, рассказывал о современных художниках и писателях, о новых направлениях в музыке. Он делал это буднично, вскользь, ненавязчиво, и оттого это было интереснее и захватывающе вдвойне.

Майк был другой. Думаю, из него получился бы хороший отец, но своих детей у него почему-то не было. Думаю, он был интересный друг, но из-за разницы в возрасте нас сложно было назвать друзьями, да и общих интересов было не так много. Поэтому он меня привлекал просто как мужчина, но и тут у нас ничего не могло получиться. По крайней мере, пока... Но я не сдавалась, решив терпеливо ждать и надеяться, что однажды гадкий утёнок превратится в прекрасного лебедя!

А потом он уехал. Какой-то новый проект, что-то связанное с работой. Он звал маму и меня с собой, но та ссылалась, что не может покинуть насиженное гнёздышко, что я привыкла

к школе и смена обстановки для меня стресс. Как будто нельзя было моего мнения спросить! Никакие уговоры не действовали. Сухо обнявшись, мы расстались – я тогда впервые прикоснулась щекой к его небритой щеке, пахнувшей терпким лосьоном. Когда за его спиной закрылась дверь, мама как ни в чём не бывало ушла в зал досматривать любимый сериал. Для неё это был лишь очередной уход. А я бросилась к себе рыдать в подушку – для меня это была потеря всей жизни. По крайней мере, так мне тогда казалось.

Думаю, мама рада была избавиться от его общества. С Майком она всегда ощущала себя не в своей тарелке, какой-то самой обычной, посредственной что ли. Ах, мама, мама...

Мы встретились с Майком через десять лет – на крупной вечеринке, которую ежегодно устраивал наш концерн. Я к тому времени окончила университет с красным дипломом и вполне уверенно двигалась по карьерной лестнице, в свои неполные двадцать четыре занимая должность замруководителя отдела рекламы.

Майк же последние годы хорошо раскрутился и стал весомой фигурой в рекламном бизнесе. Его имя часто было на слуху

И вот – он, собственной персоной, почти ничуть не изменившийся за эти десять лет. Всё те же очки, та же простая одежда без пиджаков и галстуков, те же размеренные движения, та же грустная улыбка. В свои пятьдесят с хвостиком Майк был жутко привлекателен, и дамочки бросали в его сторону долгие красноречивые взгляды. У меня же душа ушла в пятки, едва я увидела его. Доселе холодная и неприступная в коллективе, я размякла, растаяла и... выпила лишнего, иначе бы я никак не смогла подойти к нему. Когда я, наконец, решилась, то веселье было в полном разгаре, заиграла медленная музыка, и одна за другой на танцполе начали появляться танцующие пары.

Я залпом допила не знаю какой по счёту фужер шампанского и, немного пошатываясь, развернулась, чтоб поставить его на стол. Именно в этот момент Майк сам подошёл ко мне.

– Здравствуй, Настя! – произнёс он, улыбаясь. – Потанцуем?

И я снова стала тем самым колючим подростком с нереализованными фантазиями, которые вот-вот, спустя так много лет, готовы были превратиться в долгожданную и всё-таки совершенно неожиданную реальность. Я, наверное, слишком тесно жалась к нему в танце, но мне было плевать, алкоголь раскрепощал и придавал смелости. Майк что-то рассказывал, о чём-то спрашивал, а я лишь поддакивала, кивала головой и не сводила влюблённого взгляда с моей Мечты! Я растворялась в нём всецело и полностью...

Не знаю, что напугало меня больше: яркий дневной свет, ударивший в глаза, незнакомая обстановка или моё состояние и полное отсутствие в памяти событий вчерашнего вечера. Я пошевелилась на диване, смутно догадываясь, у кого я нахожусь, и где-то глубоко в подсознании, совершенно не к месту, мелькнула мысль: «Интересно, между нами что-то было?».

– Проснулась? – услышала я кажущийся знакомым голос.

Я подскочила и, сев, повернула голову в сторону говорящего, но тут же об этом пожалела. Резкие движения вызвали острый приступ головной боли и тошноту. Закрыв глаза, я сползла по спинке дивана обратно на подушку, успев, однако, заметить, что вопрос задал молодой парень, прислонившийся к косяку и с улыбкой глядящий на меня.

– Вы кто? А где Майк? – просипела я, совершенно неузнаваемым голосом, борясь с тошнотой, ощущая неимоверную засуху во рту и разглядывая радужные круги, переливающиеся за моим смежёнными веками.

– Ну... Так, сейчас сколько? Полдень. Думаю, Майк уже где-то на подлёте к Парижу, у него посадка в аэропорту Шарля-де-Голля в полпервого, – голос доносился издали, словно с другой планеты.

– Париж?.. Самолёт?..

– Да, он просил передать привет и извиниться, что так и не дождался твоего пробуждения.

Голос переместился, его источник находился теперь передо мной. Я приоткрыла глаза и попыталась разглядеть молодого человека, сидящего в кресле напротив.

– Думаю... – я облизала пересохшие губы, – думаю, лучше не стоит спрашивать, как я тут оказалась?

Парень находчиво протянул мне пол-литровую бутылку холодной воды без газа и, пока я жадно утоляла жажду, ответил:

– Ну, если любопытно, могу рассказать вкратце события вчерашнего вечера. Тем более, в целом всё было пристойно.

– О нет! – я снова закатила глаза и откинулась на подушку, стора от стыда перед незнакомым парнем.

– Да ты не волнуйся. Всё нормально. С кем не бывает. Просто Майк говорил, когда вы с ним после мероприятия сели в такси, он попросил сначала отвезти тебя домой. Но ты наотрез отказалась говорить адрес и всё твердила: «Сегодня ночью мы едем к тебе!». Вот и пришлось привезти тебя сюда и уложить спать. А я, кстати, Борис. Мы вообще-то вчера раза три знакомились, но боюсь, что ты не запомнила.

– Очень приятно, Борис. – промямлила я, глядя в сторону и продолжая полыхать от стыда. Да хотя, думаю, после такого СТЫДА от меня уже остались лишь одни головешки.

– Очень приятно, Анастасия!

– А почему он привёз меня к тебе? Или тут Майк живёт?

– Ну, это наша квартира.

– То есть как ваша? – я с испугом глянула на парня, заподозрив про Майка неладное. – Вы... вместе, что ли, живёте? Вдвоём?

– Ну, в основном я. Майк наскоками, несколько раз в год. Весь в делах, в заботах.

– И какие же вас связывают... отношения? – язвительно спросила я. – Партнёры по бизнесу? Или так?

– Родственные! Вообще, я его племянник, сын младшей сестры. Но когда родители погибли, он оформил опекунство, и с тех пор мы вместе. Тянет меня за собой, но и спуску не даёт. Он мне как отец, в общем, стал.

– Прости. Я тут наговорила всякого. Я, наверное, пойду, – я снова попыталась сесть, но от резкого движения опять закружилась голова, перед глазами потемнело, и мне пришлось буквально рухнуть обратно на диван.

– Всё нормально, не торопись, успеешь ещё. Полежи, отдохни, поспать можешь. А я пойду, мешать не буду, – Борис, уперев руки в колени, встал с кресла. – Если хочешь, можешь душ принять, желательный контрастный, мне обычно помогает. Полотенце я дам, а сам тебе поесть чего-нибудь приготовлю. А после уж и домой отвезу.

Только в этот миг я заметила поразительную схожесть Бориса и Майка. Тот же задумчивый взгляд с весёлыми искорками. Та же грустная улыбка. Такие же движения. И даже та же картавая буква «Л».

Мне в голову пришла сумасшедшая мысль: «Майк сравнял возраст, и теперь мы можем попробовать быть вместе, быть на равных». Мне казалось, что чем больше я гляжу на Бориса, тем больше я в него влюбляюсь, или это любовь к Майку таким образом трансформировалась, или...

Да уж, какие только глупости не приходят в голову двадцатичетырёхлетней девушке, проснувшейся наутро в чужой квартире после бурной вечеринки...

P.S. А на другой день Борис пригласил меня на свидание!..

Руководитель проекта

Бог вышел из лаборатории на звёздный балкон и, бесшумно прикрыв за собой дверь, бросил усталый взгляд на простирающуюся перед ним космическую даль. На карман мятого белого халата был небрежно прикреплён бейджик, на котором чёрным по белому – шрифт Arial, размер 32, полужирный – значилось: «РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА».

Прямо перед ним, переливаясь белыми, синими и зелёными красками, мерно следовала по своей орбите «Земля», как её ласково привыкли тут называть, или проект #0096572467659/83001, как значилось во всех официальных документах Небесной канцелярии. Этот проект Бог создал сравнительно недавно и руководил им на протяжении каких-то четырёх с половиной миллиардов земных лет.

Сейчас, глядя на своё детище, Бог надолго задумался, и корявая морщина прочертила лоб его немолодого лица. Рассеянно похлопав ладонями по карманам халата, он выудил мятую пачку Парламента, прикурил от дешёвой одноразовой зажигалки и выпустил из тонких губ струйку сизого дыма. Наслаждаясь редкой минутой покоя и терпким табаком, Бог размышлял о проекте, который всё чаще сдавал сбои – а говоря иными словами, просто выходил из-под контроля. Богу уже неоднократно выносила предупреждения Межгалактическая Комиссия, угрожая закрытием этого проекта, но он не сдавался. (Для информации: каждую звёздную систему курирует свой бог, если вы не совсем понимаете, о чём идёт речь).

Богу жаль было расставаться со своим детищем, но, если так пойдёт дальше, если люди не одумаются, ему придётся прикрыть проект, а именно: уничтожить на Земле всё живое и зачислить планету под номером #0096572467659—00X в общегалактическую номенклатуру как макет для чьих-то будущих разработок.

Бог недоумевал, ведь первоначальные расчёты были верны, погрешности сведены к минимуму. Человечество зародилось и должно было просуществовать, совершенствуя себя в благих намерениях, не один триллион земных лет. Но сейчас человечество напоминало питона, пожирающего собственный хвост.

В чём он просчитался? Почему всё, что он дал людям, искажалось ими втройне? Может, ошибкой было дать им любовь? Для чего она им?

Еда – понятно, и то люди извратили первичное значение пищи. Одни ублажаются кревоугодием, тогда как других целенаправленно до смерти морят голодом. А третьи и вовсе превратили принятие пищи в культ, создавая кулинарные шедевры и обогащаясь за счёт того, что в конечном итоге будет переработано в шлак и предано тлену.

Людам была дана возможность размножаться, производя на свет себе подобных. Да, Бог приукрасил процесс зачатия, чтоб он выделялся из обыденных дел, стал чем-то ярким, незабываемым. Люди же переиначили всё на свой лад. Они теперь просто играют с этим, получая пустое удовольствие, превратив его в повседневность и отодвинув сам смысл процесса зачатия на дальний план.

Бог дал людям веру. Изначально он проявлял себя грозой или дождём, палящим солнцем или студёной зимой, и люди верили в проявление высших сил. Но, отчаявшись подчинить эти силы себе, самые хитрые из людей решили олицетворить Бога и создали религию. Придумали Богу имя, образ, лицо и даже легенду о нём. Вот только у каждого народа получилась своя религия, свой Бог. Не сходились во многом ни легенды, ни образы, ни имена одного-единственного Создателя, что и послужило поводом для нескончаемой вражды между людьми. Каждая религия утверждала, что именно её Бог является истинным, верным, правым... И пыталась склонить на свою сторону как можно больше людей! Почему глупые люди не задумывались, что солнце для всех светит одинаково, одинаково они мокнут под дождём, одинаково гремит

для них гром, и все они одинаково, вне зависимости от их религий, умирают от наводнения, извержения вулкана, смерча или болезни...

Нужна ли была людям любовь? Ведь именно в этом и заключался эксперимент Проекта. Именно способность чувствовать любовь и дарить её окружающим должна была отличить людей от остальных примитивных существ, пусть порой и разумных. Но люди и этот божий дар сумели извратить, исковеркать. Самое чистое чувство они использовали для корысти, для манипуляций, для обмана, для наживы, ничем не отличаясь от других разумных ЖИВОТНЫХ.

У людей был ещё крохотный шанс сохранить себя и планету, но Бог уже практически не верил в него. Ему жаль было сворачивать этот проект, но, похоже, другого выхода не было...

Не заметив, как докурил почти до самого фильтра, Бог щелчком отправил окурочек в небо и, ссутулившись, ушёл обратно в лабораторию.

Огонёк догорающей сигареты, описав широкую дугу, погас в космической синеве.

– Ты меня любишь?

– Люблю. А ты меня?

– Я тебя тоже. Очень!

Двое подростков, Машка и Алёшка, сидели на крыше старого заброшенного дома и, зябко прижимаясь друг к другу плечами, глядели в ночное небо, полное звёзд.

– Ой, смотри, Лёха, смотри, звезда падает! Загадывай скорее желание!

– Где?

– Да вон, дугу описала такую широкую и загасла. Видал? Желание успел загадать?

– Не-а.

– А я загадала!

Они снова ненадолго замолчали, ощущая тепло друг друга и вслушиваясь в редкие ночные звуки и шорохи.

– А о чём... желание-то загадала? – запоздало спросил Алёшка.

Но Маша лишь улыбнулась, глядя в ночное звёздное небо, и крепко сжала руками его ладонь.

Осенняя встреча в поезде

За окном поезда дождь лил как из ведра. Он прибивал листву к асфальту, наполнял ненасытные лужи, и тысячи искристых капель крохотными акробатами перескакивали с веточки на веточку, с листка на листок. Порывистый ветер не отставал от своего младшего брата: он срывал капюшоны с редких прохожих, выворачивал наизнанку хрупкие зонтики и раздавал пощёчины крупными дождевыми каплями.

За окном поезда бушевала стихия.

В купе же, напротив, было тепло и уютно. Вагон плавно покачивал редких пассажиров. Одни из них дремали, наслаждаясь теплом и вынужденной ленью, другие читали или разгадывали кроссворды. Кто-то в дальнем купе негромко разговаривал.

Она давно уже отложила книгу и задумчиво глядела в окно, в самую гущу бушующей осени. Приятно было ощущать комфорт, когда там ветер с дождём творили хаос. Но она не чувствовала покоя и умиротворения. Такой же хаос, такая же промозглая осень вот уже несколько месяцев царили в её душе. Она жила как в тумане: то выныривая из него, то вновь погружаясь с головой. Куда она теперь ехала? Сложно сказать. Убегала от Него. Или возвращалась к Нему. Бежала от Себя или искала Себя. Или просто ехала, чтоб хоть что-нибудь делать, хоть где-нибудь быть, хоть что-то менять. Просто чтоб не умереть от тоски, одиночества, обиды...

– Не помешаю? – мужской голос вывел её из водоворота мыслей.

– Н-нет, – глухо ответила она. – А вы кто?

Лицо его – волнистые волосы и голубые глаза – показалось ей смутно знакомым, но она никак не могла припомнить, где же видела этого молодого человека.

– А я – ваш сосед. Вот моё место. Тридцать семь, – он протянул ей билет.

Она машинально взяла его и невидящим взором, ещё не оправившись от своих мыслей, уставилась на небольшой прямоугольник казённого бланка.

– Наверное, я спала, когда вы вошли, – она равнодушно вернула билет.

– Да нет же, я еду с самого начала. Я уже несколько раз заходил к вам. Ну же, вспомните, – искристо улыбался парень и позвякивал чайной ложечкой в стакане с подстаканником.

Тут она смутно припомнила его в голубой рубашке с железнодорожным значком на кармане и тёмно-синих форменных брюках.

– Вы же наш проводник! – недоумённо воззрилась она на улыбающегося парня, вспоминая, что именно он помог затащить в вагон её неподъёмную сумку. – Но тогда я совсем ничего не понимаю! Почему вы едете в этом купе? Зачем вам билет?

– Ну, тут дело такое, долгая, в общем-то, история. А хотите чая?

– Очень хочу! С маленькой конфеткой или шоколадкой, – не узнала она свой голос и вообще удивилась своему ответу. Словно кто-то отстранил её от управления телом и разумом, самовольно усевшись за рычаги управления, и оставил хозяйку наблюдать за происходящим со стороны.

– Я мигом, а то мой чай тоже совсем остыл, – и проводник выскочил из купе.

Она снова глянула в окно, ощущая в душе какое-то новое – или давно позабытое – чувство. За окном смеркалось, в стекле она увидела своё отражение. Вздрогнула и ужаснулась. Она не могла припомнить, когда в последний раз смотрелась в зеркало! Быстро достав из-под подушки сумочку, она как могла наспех привела себя в порядок. Благо, в вагоне был полумрак, а она сидела, забившись в дальний угол, сокрытая тенью от верхней полки.

Проводник вернулся с двумя стаканам горячего чая, сахаром, печеньем и маленькими шоколадными батончиками.

– На самом деле, на железной дороге я больше не работаю. Взял отпуск с последующим увольнением и, пользуясь льготным проездом, решил махнуть на Дальний Восток. Специально

подгадал, чтоб с нашей бригадой ехать. Жаль с ребятами расставаться, вот и решил – до последнего. А тут как раз в дороге бывшая напарница заболела. Предложил подменить на пару дней, чтоб отлежалась. Теперь она снова в строю, а я, наконец, простой пассажир, – он перевёл дух и отхлебнул чай из стакана. – Вот такая вот история! А вы куда едете, если не секрет?

– А, туда, – неопределённо махнула она рукой, – к сестре.

Она снова уткнулась в окно, разглядывая сквозь покрытое каплями дождя стекло проносящиеся мимо огни фонарных столбов. Но вдруг повернулась к нему и спросила:

– А вы куда едете? Домой? И почему вдруг проводник, что за профессия? Совсем не мужская!

Последней фразой ей вдруг захотелось уколоть парня, сделать так, чтоб не одной ей было хреново на душе. Но он совсем не смутился, будто и не заметил укола. Будто жало скорпиона уткнулось в толстый панцирь черепахи и соскользнуло с него, не причинив никакого вреда.

– Почему проводник? Захотелось страну посмотреть. Пусть хоть из окна поезда. До этого служил по контракту на флоте пять лет, но попал под сокращение. Вот и подался на железку. Вроде надо остепениться, семьёй, очаг создавать. А у меня всё ещё детство в душе играет, романтика, – говорил он искренне, с улыбкой, и в его глазах отражались огоньки проносящихся мимо фонарей.

Ей было интересно и легко слушать его, она сидела притихшая словно мышка и глядела на него большими глазами. В объятиях этого разговора она ощущала тепло и уют, холод ещё был в душе, но кончики пальцев уже начали оттаивать.

– Вот и решил, что вроде хватит по стране колесить. Хочется покоя и умиротворения. Хочется сбежать от шума, от людей, забыться где-то на краю земли, где нет кинотеатров, дорогих машин, шмоток, телефонов и прочей лабуды, которая травит жизнь! Да, бессонные часы в поезде во время ночных смен часто порождают такие мысли. А потом как снег на голову – письмо от сослуживца: «Приезжай в Приморье, есть работа, как раз для тебя, твоя тема». А он сейчас в гидрографической службе военно-морского флота работает...

– Что за тема? – она заёрзала от волнения. Все эти рассказы напоминали ей дежавю. Сон, который она видела много раз. Парень словно читал её мысли, имея доступ к самым сокровенным уголкам её души.

– В ста километрах от Владика... ну, от Владивостока, – пояснил он, – есть маяк Сысоевский. Вот, еду туда техником. А может, и сразу начальником. Не знаю пока, как уж сложится. Но дело не в должности, не в жаловании, просто маяк – это давняя моя мечта, с детства ещё. Я поэтому и на флоте служить остался. А теперь вот, стало быть, мечта детства и сбывается.

Всё это он так воодушевлённо рассказывал, что она сама не заметила, как калиточка её души незаметно отворилась на скрипучих петлях.

– Так а вы к сестре, значит? А в какой город? – сделал он ещё одну попытку разговорить молчаливую собеседницу.

Она сразу как-то вся сникла, отвернулась к окну, чтоб не показать выступивших на глазах слёз.

– Я...я...Вы простите! Нет у меня никакой сестры. Я просто еду.

– Просто? Куда?

– Туда, – пожала она плечами и улыбнулась вымученной улыбкой. – В никуда... Просто, по дороге. Я...

И тут её прорвало. Она говорила и не могла выговориться. Рассказывала всё, чем жила эти месяцы, о чём страдала, рассказывала даже о том, о чём поклялась больше никому и никогда не рассказывать. Тут были слёзы и боль, недоумение и смех, страх и жалость. Они проговорили почти всю ночь. А когда за окном стали брезжить серые предрассветные сумерки, она, выбившись из сил, уже всюю клевала носом и не заметила, как прикорнула на плече у своего

необычного попутчика. Он аккуратно уложил девушку на постель, снял с неё обувь и заботливо укутал одеялом.

Сам он долго ворочался, гонял разные мысли в голове – было уж тут о чём подумать, после всех этих ночных откровений, – но всё же, когда первые пассажиры начали свои утренние хождения по вагону, его сморил сон.

В обед они проснулись почти одновременно и уже смотрели друг на друга в свете дня как старые добрые друзья. Он подпитывал её своей неиссякаемой энергией, и она потихоньку оживала. Так, оставшиеся несколько дней в пути они провели просто замечательно – насколько замечательно и романтично их можно провести в купе поезда, мчащегося вдаль, сквозь осеннюю Россию.

Спустя неделю он обрёл душевный покой на своём маяке Сысоевский. Та ещё дыра: каменистый обрывистый берег, постоянный ветер, частые туманы и холод. Но всё это его не страшило. Потому что и её долгий путь «в никуда» тоже закончился на этом старом маяке. Рядом с ним!

Вот так сбылась его мечта. Сбылись её сны. Сложилась их жизнь.

Я был у них в начале прошлого лета. Выпала оказия поехать на маяк Сысоевский с инспекцией от гидрографической службы флота. Я вызвался, зная, что там заведует мой бывший сослуживец.

Она сама встретила меня с поезда. Лихо вела праворульный внедорожник по ухабистым дорогам среди сопок и, пока мы добирались до маяка, успела рассказать историю их необычного знакомства, которую я, как смог, пересказал Вам. А тогда, глядя на её улыбку, я всё думал, что никогда не встретил бы в городе такую красивую, пышущую здоровьем, жизнерадостную девушку как здесь – в этом суровом краю, на обрыве мира! Странно было видеть, что возле маяка, на каменистой бесплодной почве, она смогла вырастить первые пёстрые цветы!

После обеда, наговорившись, мы втроём молча пили крепкий горячий чай, кутаясь в телогрейки на пронизывающем ветру и вглядываясь в бескрайнюю синь моря, покрытую белыми бурунами волн. Каждый думал о чём-то своём. О потерянном и о приобретённом.

Но наверняка я знал одно: всё у них будет хорошо, ещё долгие-долгие годы.

О душе

В тот день Седов дошёл до края. Когда мозги, затуманенные алкоголем, длительное время не получают привычную дозу, наступает похмелье – адская болезнь, скажу я вам! Вот тогда, в какой-то миг человек сам не ведает, что творит, и идёт на крайние меры, чтоб раздобыть несколько глотков привычной отравы.

Именно это и происходило с Седовым в злополучный вторник последней недели мая. Вокруг повсюду цвели яблони и каштаны, девушки, и без того красивые, были ещё прекраснее, гомонила детвора, выходящая на финишную прямую к летним каникулам, но алкоголик со стажем всего этого не замечал. Его мир сузился до одной-единственной бутылки водки – даже не стандартной пол-литры, а крохотной, пресловутой чекушки, которую проще незаметно вынести из магазина, спрятав в рукав.

Ларёк с весёлым названием и яркой вывеской «Фасоль» располагался на пяточке между панельных пятиэтажек. Туда и держал путь наш герой. Он бывал там довольно частым посетителем и успел изучить, в какое время продавцы принимают товар, а в какое – пьют кофе, нехотя выходя к раннему покупателю, да и охранника там отродясь не было, что так же было на руку.

Седов надолго завис перед стеллажом с пивом, дёргая острым кадыком и незаметно косясь на соседние полки с крепкими напитками.

– Алкоголь с десяти продаём! – бросила проходящая мимо продавщица.

– Уу-у, – сипло промышчал пьяница и вроде как с сожалением собрался уходить.

Но её-то он приметил сразу. Небольшая бутылочка с синей пробкой словно специально стояла чуть в стороне от остального ассортимента, протяни руку – и она твоя, даже не звякнет.

Седов воспользовался моментом, когда продавщица, таскающая коробки и кульки, исчезла из поля зрения, и ловко ухватил бутылку за горлышко, тут же запихав её в рукав под тугую манжету. «Теперь быстро, но не сломя голову и не привлекая внимания, выйти из ларька – и за угол пятого дома, а там пустырь, кусты, не догонят» – на удивление резво пронеслась мысль в мозг пьяницы.

Седов повернулся на девяносто градусов и, уже делая первый шаг к отходу, вдруг наткнулся на что-то твёрдое. Отпрянув и ощутив терпкий запах парфюма, он поднял глаза и увидел перед собой человека. Мужчина лет сорока, гладко выбритый, в светло-голубой сорочке и синем галстуке в косую широкую полосу пронзительно глядел на пьяницу немигающими серыми глазами.

– Нехорошо, Пётр Петрович, красть! Нехорошо! – негромко произнёс мужчина голосом уверенного в себе человека, готового разрешить любую ситуацию на месте.

У Седова от страха поledenело всё внутри и нестерпимо захотелось по нужде, на миг даже похмельная головная боль отступила.

– Я н-не Пётр, – проблеял он, автоматически пятясь назад, пока не упёрся спиной в пузатые полторашки «Жатецкого Гуся». Проблеснула надежда, что расхохоренный мужик обознался. Седов ведь не Пётр, а тот его так назвал. Но в следующий миг все надежды рассыпались в прах.

– Да так ли это важно, Пётр ты, или Иван, или Сигизмунд – права красть нет ни у одного человека на земле. А вы, что ж вы так, Пётр Петрович. Очень плохо поступаете.

– Я... ик... – на Седова вдруг напала икота, и он никак не мог остановиться икать.

А «джентльмен» продолжал его упрекать:

– Поймают на краже, закроют в клетку, и ради чего всё? Ради глотка водки? А там, полагаю я, очень несладко. Мда-а! Что ж, Пётр Петрович, доставайте свою кражу, я готов великодушно её вам оплатить, и совершенно безвозмездно. Ну, практически безвозмездно, за суший

пустяк. Можете вот шпрот ещё прихватить или сырок плавленый. Чем там принято такое пойло закусывать.

Седов слушал мужчину, хлопал глазами, икал и до сих пор не мог понять – шутка это, розыгрыш или издёвка перед тем как сдать нерадивого вора ментам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.